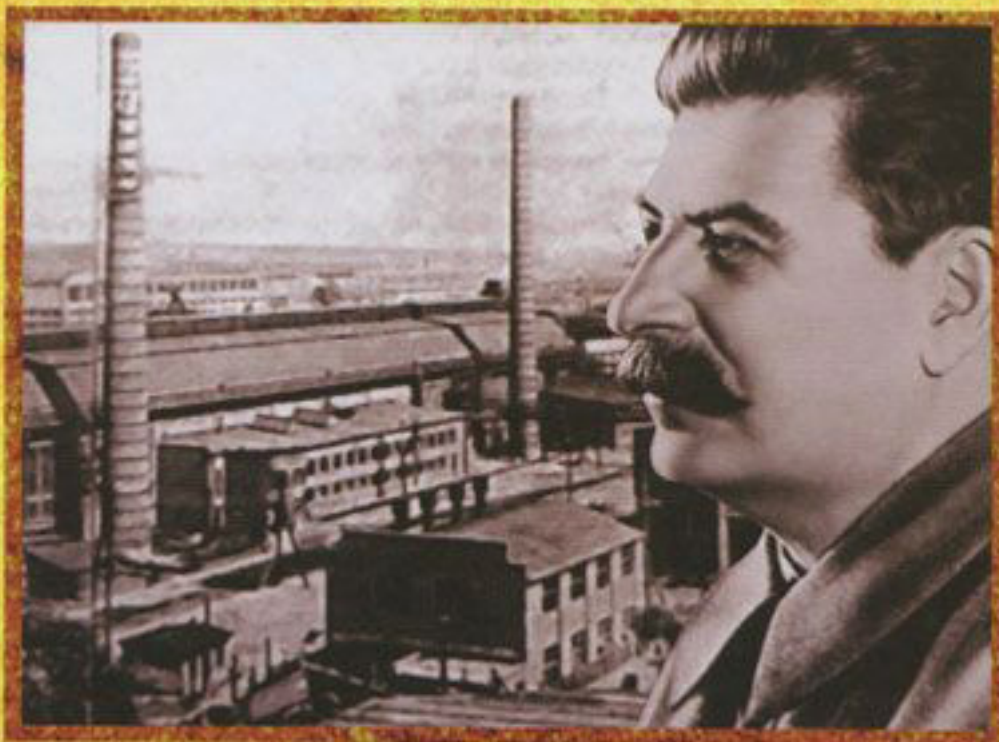

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ЛЮДО
МАРТЕНС

ДРУГОЙ
ВЗГЛЯД НА
СТАЛИНА

Русская история (Алгоритм)

Людо Мартенс

Другой взгляд на Сталина

«Алисторус»

УДК 323 (470+571)
ББК 66.3(2)

Мартенс Л.

Другой взгляд на Сталина / Л. Мартенс — «Алисторус»,
— (Русская история (Алгоритм))

Людо Мартенс (1946–2011), основатель и руководитель Партии Труда Бельгии, задумывал свою книгу как опровержение «хорошо известных истин» о Сталине, ставших чуть ли не частью подсознания западного человека. Разоблачая мифы о «завещании Ленина», насильственной коллективизации, уничтожении гвардии старых большевиков, сговоре с Гитлером и т. д., бельгийский коммунист утверждает, что сегодня «любая страна может только мечтать о таких достижениях, которые были при Сталине» и что правда о вожде написана кровью героев, избавивших мир от фашистской нечисти. Легендарная книга, посвящённая защите исторической роли Сталина и партии большевиков, дополнена впервые переведёнными на русский язык статьями и выступлениями Людо Мартенса, в которых содержится резкая и одновременно объективная критика ревизионизма и оппортунизма всех мастей – от троцкизма до горбачёвщины – и анализируется ситуация в постсоветской России и странах бывшего социалистического лагеря.

УДК 323 (470+571)
ББК 66.3(2)

© Мартенс Л.
© Алисторус

Содержание

Людо Мартенс и его книга «Другой взгляд на Сталина»	6
Вступительное слово	31
Введение	33
Сталин – величайший политический гений, величайшая личность XX века	33
Сталин и борьба за независимость против империализма	34
Сталин и борьба за социалистическое развитие	35
Сталин и революционная большевистская партия	36
Сталин и смертельная опасность оппортунизма и инфильтрации	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38
Комментарии	

Людо Мартенс

Другой взгляд на Сталина

© Перевод Боброва Л.В., 2015.

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Людо Мартенс и его книга «Другой взгляд на Сталина»

Предисловие публикуется в авторской редакции.

Это предисловие можно было бы назвать «Памяти Людо Мартенса» или «Сталин был прав», но я озаглавил его так, как озаглавил. Во-первых, потому что оно вовсе не является некрологом. Да и запоздало в этом качестве, ибо Л. Мартенс скончался в 2011 году. Во-вторых, потому что историческая правота Сталина является смыслом всей книги и отнюдь не голословно подтверждается автором на каждой странице.

Тем не менее замечу: то, что обычно пишут о политическом деятеле, даже спустя длительное время после его смерти, нередко несёт в себе отдельные черты упомянутого печального жанра. Правда, только в том случае, если пишущий характеризует покойного с положительной стороны. Я не собираюсь скрывать своего в целом одобрительного отношения к Л. Мартенсу, к его деятельности, к его статьям и книгам. Но поскольку, повторяю, писал не некролог, а предисловие, то имею некоторые критические замечания.

Людо Мартенс ушёл из жизни в шестьдесят пять лет, то есть рано, ибо это – тот возраст, который для умудрённых европейских политиков вовсе не считается почтенным. Я не был лично знаком с ним. Наблюдал издали, когда посещал в Брюсселе Международный Коммунистический Семинар, регулярно устраиваемый с 1992 года, – детище Мартенса, которым он очень дорожил. Впрочем, нет, его главным детищем была Партия Труда Бельгии, основанная им в 1979 году. Вот она-то и породила знаменитый Семинар, проходивший под председательством главы ПТБ, на который съезжались представители десятков коммунистических и левых организаций со всего мира.

Ему обычно предшествовали фестивальные мероприятия с участием ветеранов комдвижения, революционной молодёжи, прогрессивной прессы, левых музыкантов и т. д., после чего начиналась основная работа. Читались доклады, шли прения и обмен информацией, высказывались мнения по актуальным проблемам современности, по вопросам теории и практики коммунизма. Некоторые из выступавших делились собственными, небезынтересными теоретическими разработками. Советская, сталинская тематика занимала и занимает в этих разработках немалое место.

Прежде чем основать ПТБ, Мартенс, будучи студентом университета города Лёвена, создал в 1968 году группу «Вся власть рабочим»¹. Он пришёл к марксистским идеям после организации студенческого профсоюзного движения. До этого принимал активное участие во Фламандском католическом студенческом альянсе. А ещё раньше за своенравное поведение был исключён из колледжа города Торхаута в родной провинции Западная Фландрия. Словом, являлся бунтарём со стажем.

Бельгия вообще страна бунтарей. Чего стоит один образ Тиля Уленшпигеля – героя многих средневековых легенд и баллад, символа народного восстания против жестокого испанского господства во Фландрии. Во время оккупации Бельгии гитлеровскими захватчиками здесь на сравнительно небольшой территории действовало до 40 тысяч партизан и подпольщи-

¹ Лёвен (на фламандском языке), или Лувен (на французском), – главный город провинции Фламандский Брабант. Местный университет основан в 1425 г. и является одним из старейших учебных католических заведений такого рода. В 1968 г. обострившийся конфликт между фламандской и валлонской общинами Бельгии привёл к расколу университета по национальному признаку. Франкоговорящее студенчество переехало в учебные корпуса, расположенные в провинции Валлонский Брабант. (Здесь и далее в сносках – примечания мои. – Л.Г.)

ков, которыми преимущественно руководили коммунисты. Их высокий авторитет в народе так напугал бельгийскую реакцию, что в попытке удержать массы от полевения она в 1950 году организовала расстрел наёмными убийцами тогдашнего Председателя бельгийской компартии и депутата парламента – неукротимого Жюльена Ляо.

Неспокойный, мятежный характер многих бельгийцев связан также с этническим противостоянием, уходящим корнями в седую старину. Вкратце данная ситуация выглядит следующим образом.

Южная часть страны с третью бельгийцев – потомками романского населения – это Валлония. Северная часть – это Фландрия. Там живут фламандцы – потомки германцев, чей язык близок к нидерландскому. В XIX веке с дальнейшим развитием капитализма, который повсеместно продуцирует обострение национально-расовых отношений, валлоно-фламандский конфликт приобрёл выраженно хронический характер. Фландрия имеет более высокий уровень жизни, доминирует в промышленном и культурном аспектах, но считает себя обделённой и ущемлённой в политической жизни. Как бы власть предержащие ни загоняли вглубь проблему сепаратизма, сегодня она стоит во весь рост, и страна медленно сползает к распаду на две части.

Людо Мартенс сызмальства начал понимать классовую сущность социальной несправедливости. Он не был бы самим собой, если бы не попытался перевести националистическое движение студентов в классово ориентированную плоскость. Само собой разумеется – в антикапиталистическую. Так на смену кличу буйной студенческой вольницы: «Долой Валлонию!» – пришёл осмысленный лозунг прозревавших юношей и девушек: «Долой буржуазию!».

Надо сказать, что 1968 год – знаковая дата в истории Европы, которую потрясла серия массовых левых выступлений против существовавших режимов. В соседней Франции это чуть ли не вылилось в революцию, когда буржуазный строй зашатался и едва уцелел под напором взбунтовавшейся молодёжи. К сожалению, именно взбунтовавшейся, а не организованной и вооружённой чёткой коммунистической идеологией.

С тех пор борьба с националистической ограниченностью проходила красной нитью через всю жизнь Л. Мартенса. Естественно, что, отвергнув национализм, молодой Людо Мартенс не мог не выступить против расизма. Он даже наладил взаимодействие бельгийского студенчества с движением за права чернокожего населения Соединённых Штатов Америки. Впоследствии он не раз повторял, что за сепаратизмом в Бельгии скрывается опасная антиобщественная программа действий враждебных народу сил. В то время как бельгийские политические партии одна за другой раскалывались по языково-этническому признаку, Партия Труда под его руководством оставалась единственной национальной партией, где солидарно действовали и фламандцы, и валлоны. (О нынешнем состоянии партии скажу в конце).

Я опускаю подробности многолетней плодотворной деятельности Мартенса. Разве что опишу её в лаконичном стиле. Его партия и он лично тесно сотрудничали с прогрессивными режимами стран «третьего мира», с международными коммунистическим, рабочим, национально-освободительным движениями, с левыми молодёжными организациями. Он противостоял перерожденцам в рядах компартий, был одним из серьёзных критиков хрущёвско-брежневского ревизионизма и оппортунизма, непримиримым врагом горбачёвщины. В то же время Мартенс, в отличие от троцкистских и прочих ультралевых группировок, не был сектантом и в полном соответствии с творческим марксистско-ленинско-сталинским подходом суммировал в своей идеологической работе всё практически полезное из опыта КПСС и компартий других стран. Он никогда не выступал против Советского Союза в целом, как это делали некоторые на основании того, что к власти в Москве пришли околбуржуазные, антисталинские силы.

Мартенс пользовался уважением не в гламурном обществе, не среди банкиров и слуг буржуазии в лице министров и парламентариев, а у рабочих, интеллигентов-демократов, учащихся

колледжей и университетов, а также у лидеров государств, стремящихся к избавлению от диктатора капиталистических корпораций, к обретению подлинной независимости и суверенитета. Особо следует подчеркнуть: он писал статьи и книги, в которых активно проводил линию, во многом отвечающую требованиям именно **сталинского** направления в политике. Хорошо знакомый с ситуацией в бывших франкоязычных колониях Африки, он подробно и квалифицированно анализировал их прошлое и настоящее. Был последним иностранным гостем, который виделся с президентом КНДР Ким Ир Сеном незадолго до смерти корейского вождя в 1994 г.

Наиболее заметные произведения Мартенса – это «Пьер Мулеле, или Вторая жизнь Патриса Лумумбы. 10 лет революции в Конго», «Санкара, Компаоре и революция в Буркина Фасо», «СССР и бархатная контрреволюция», «Леони Або. Женщина из Конго», «Май 1968, спустя 25 лет», «Партия революции», «Сталин против оппортунизма», «Контрреволюция и революция в XXI веке». Безусловно, к ним относится и та книга, которую вы сейчас держите в руках.

Он разворачивал свою революционную работу не только в Бельгии, но и в других странах, причём не только на европейском континенте. В 1980-х годах активно сотрудничал с Тома Санкара, а в 1990-х – с Лораном Кабилой. О характере такого сотрудничества можно судить по фигурам обоих выдающихся сыновей Африки, героические и трагические судьбы которых заслуживают хотя бы нескольких слов.

Тома Санкара был, пожалуй, одним из самых перспективных по своей прогрессивности и честности главой государства на всём «чёрном» континенте. Не зря его называли «африканским Че Геварой». Тридцатитрёхлетний армейский капитан пришёл к власти в Верхней Вольте в 1983 году в результате восстания. Он свергнул правительство, которое было покорным исполнителем воли французского капитала, остававшегося хозяином бывшей колонии после формального провозглашения её независимости. Страна отказалась от старого и унижительного колониального названия и обрела новое имя – Буркина Фасо. В нём были соединены слова из двух основных местных языков, перевод которых гласил: «Родина достойных людей».

Дело, конечно, не в названии, а в серии энергичных, передовых реформ в области политики и экономики, предпринятых Санкара. Они вызвали злобу у бывшей метрополии и у насквозь продажных соседних режимов – тотально буржуазных. Ну, а визит в Буркина Фасо кубинского вождя Фиделя Кастро вообще напугал их до смерти. В 1987 году Т. Санкара был вероломно убит, вооружённое сопротивление его сторонников было подавлено внешней и внутренней реакцией.

Лоран Кабила имел большой стаж антиимпериалистического и антиколониального противостояния. Он представлял собой тот тип африканского революционера-марксиста, который включился в борьбу ещё при Эрнесто Че Геваре. Тот в начале шестидесятых участвовал в повстанческом движении в Конго и оказал огромное влияние на Кабилу. Впоследствии Че отбыл в Южную Америку. В то время, когда он партизанил и погиб в боливийской сельве, его ученик возглавил в конголезской провинции Южное Киву – самопровозглашённую республику и 20 (двадцать!) лет успешно отбивал атаки войск диктатора Мобуту – ставленника США и крупных западных монополий. В 1996 году повстанцы взяли Киншасу – столицу Заира (так называлась эта страна в годы мобутовской тирании). И вот тиран бежал, а Кабила вернул стране прежнее, дополненное название – Демократическая Республика Конго, став её президентом.

Людю Мартенс был официальным советником нового президента. Если учесть, что Конго некогда являлось колонией Бельгии, а Кабила и Мартенс при определённых различиях стояли всё же на одинаковых марксистских позициях, этот факт свидетельствует о первичности не национального, а идеологического признака в человеческих взаимоотношениях. Подлинный интернационализм, открытый миру и дружбе, сочетающий базу патриотизма и почвенности с международной солидарностью трудящихся, рано или поздно одерживает победу над догма-

тическим национализмом – хоть в джунглях, хоть в мегаполисах. Мстя славному сыну Конго, прозападная агентура убила Л. Кабилу в 2001 году.

Но мы отвлеклись. Нужно просто сказать, что, куда бы ни заносила судьба руководителя Партии Труда Бельгии, это был не стихийный, слепой порыв ветра абстрактных путешествий, но планомерная, наполненная глубоким содержанием работа политика, исповедовавшего заветы Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Да, именно так выглядит неоспоримый и неразделимый ряд творцов научного коммунизма, чьи великие заслуги признавал Людо Мартенс и признают миллионы людей во всём мире. Но есть филистеры и начётчики, политические ханжи и лицемеры, не говоря об открытых врагах, которые отвергают Сталина как равноценного светоча в этой плеяде.

Всегда полезно задаться вопросом: почему хулители Сталина и сталинского Советского Союза столь единодушны, идёт ли речь о членах компартий (есть и такие уроды) или о ярых противниках коммунизма, о либералах или о фашистах, об утончённых интеллектуалах европейского толка или о брутальных и деспотических восточных монархах?

Потому что у них у всех общий знаменатель – капитализм. Иногда этот знаменатель плохо осознаваем ими, но чаще вполне понятен и дорог. Они видели, видят, всегда будут видеть в фигуре Сталина главную угрозу эксплуататорским принципам их существования, самой их жизни, наконец.

В связи с этим считаю принципиально важным пояснить нижеследующее.

Говоря без обиняков, методологическим пороком большинства отечественных и зарубежных историков является то, что они упорно твердят о семидесяти четырёх годах советской власти. Эта же ошибочная исходная установка типична для многих образованных лидеров компартий, тем более – для неудовлетворительно подготовленных масс. Подобная зашоренность мешает разглядеть, что в середине пятидесятых годов минувшего столетия, начиная с XX съезда КПСС, обозначился водораздел между истинно советским и скрыто антисоветским периодами истории СССР. Во время так называемой перестройки – открыто антисоветским.

С воцарением в Кремле Хрущёва заканчивался накат нового мира, начинался его откат. Он был диалектическим и долгим. Внутри сопровождался не только глупыми и разрушительными действиями и бездействием, но также периодическими рывками в развитии, феноменальными актами ускоренного созидания, спорадическими взлётами в искусстве, науке, технике. Снаружи – отдельными успехами в распространении коммунистического влияния на планете. И всё же из-за общего процесса затухания эти взлёты из года в год делались слабее, происходили реже, провалы учащались.

СССР всё чаще буксовал в раскисшей колее антисталинских реформ. Сначала предрыночные, затем полурыночные и, наконец, рыночные, эти реформы расшатывали всю материальную и духовную державную конструкцию. Большинство экономических и политических нововведений и реорганизаций послесталинского периода были абсолютно противопоказаны социалистическому народному хозяйству, антикапиталистическому образу жизни.

Справедливости ради укажу, что сущность творимой катастрофы оставалась не замечаемой многими из-за трескучей марксистско-ленинской риторики, маскировавшей прокاپиталистическое перерождение страны; оно продолжалось без малого сорок лет. И сущность эта называется **десталинизацией**. Она же дебольшевизация, десоветизация, дезинтеграция, денационализация, деиндустриализация, деколлективизация, дегуманизация... Короче, – дебилизация. Если не всех, то весьма изрядного числа.

XX съезд КПСС стал запалом к фугасу замедленного действия, на котором подорвалось сознание большего количества людей, чем их погибло за всю историю минного оружия. Философская мысль, которая при Сталине была рабочим инструментом объяснения и переустрой-

ства мира, превратилась в утончённую, эстетствующую болтологию либо в набор заскорузлых лозунгов. С партийных и комсомольских трибун выкликалось множество коммунистических призывов. За трибунами текла другая жизнь, в которой те же ораторы всё чаще руководствовались всего двумя призывами, весьма некоммунистическими: «приспосабливайся» и «обогащайся».

Однако хрущёвщина, подмявшая под себя Советский Союз, оказалась чересчур оголтелой, плохо управляемой владыками вешного мира.

Народ страдал от внезапно расцветшей уголовной преступности. Растаптывание памяти о том, кто помимо других обязанностей исполнял роль главного стража социалистической законности, понизило как производительность труда, так и уровень охраны общественного порядка. Народ нёс ничем не оправданные экономические потери, связанные с ростом цен, замораживанием выплат по облигациям и т. д. К концу хрущёвского правления население СССР впервые с войны стало недоедать из-за катастрофического падения сельхозпроизводства. Черчилль сардонически комментировал: я думал, что умру от старости, но умру от смеха – Россия начала импортировать хлеб.

Прохрущёвская часть мирового комдвижения вырождалась и разлагалась. Двадцатый съезд не просто разъединил, а буквально вспорол и разрубил его. Лучшую, наиболее здоровую, свободную от антисталинизма часть комдвижения стал на определённое время представлять маоистский Китай. В документах той поры, выходивших в Пекине, но не попадавших в СССР, содержалась отточенная и разящая констатация: «Посылая проклятия в адрес Сталина, Хрущёв тем самым наносит величайшее оскорбление советскому народу и КПСС, величайшее оскорбление Советской армии... величайшее оскорбление социалистическому строю, величайшее оскорбление... революционным народам всего мира, величайшее оскорбление марксизму-ленинизму».

Этот своевременный набат не был услышан перерожденцами, коих плодила антисталинская действительность. Волюнтаризм и субъективизм – так обтекаемо называли главные прегрешения Хрущёва сместившие его коллеги, хотя вместо их келейного решения требовался гласный суд наподобие московских процессов 1937—38 гг.

На смену пришла брежневщина. Антисталинизм приглушили как непопулярное явление, однако не осудили. Демонтаж коммунистических основ через молчаливую десталинизацию не прекратился. Контрреволюция стала ползучей. Горлопаны, то и дело поминавшие кузькину мать, отошли на задний план, на передний вышли вкрадчивые партсовслужащие. Слова «партиец» и «чиновник» постепенно превращались в синонимы. Выражение «красиво жить не запретишь» потеряло иронический смысл. Перенятая у Хрущёва система номенклатурных привилегий, несправедливых, незаслуженных, разрослась уродливым злокачественным образованием на теле общества. Партбилет у определённых «товарищей» в определённом смысле ценился, а для товарищей всё ещё был по-настоящему свят. Но. В отличие от беды природно-стихийной, большая политическая беда всегда начинается с малой: уже теряли святость и пионерский галстук, и комсомольский значок.

Сформировалась предсказуемая надстройка уже появившегося базиса – теневой экономики. Базис был пока некрепким, но, как и полагается всякому базису, нуждался в идеологическом обслуживании и получил его. Прежде всего – в среде почитателей и проводников хрущёвского курса. Они же потом – опора курса горбачёвского.

Парадоксальная советско-антисоветская подготовка кадров невольно отражалась на умонастроениях зарубежных коммунистов и друзей. Вне нашей страны процесс десталинизации «раскошегарился» именно при Брежневе. Даже маоисты частично отступили под давлением этого процесса, отойдя от сталинизма как от науки и обратившись к тому, что было ими названо «идеями Председателя Мао». Не все те идеи были безошибочными...

Трюк с провокационной антисталинской истерией повторила на новой основе горбачёвщина. Он опять удался. Коварство трюка заключалось в том, что горбачёвщина верно обозначила следствие застарелых общественных недостатков, ловко подменив в расшатанном народном сознании их подлинную причину. Новым же было то, что антисталинизм и антикоммунизм наконец-то уравнивали в правах. Закон о кооперативах, департизация, разгосударствление, демополизация внешней торговли, другие лазейки уже позволяли красной буржуазии рулить легально. Под бравурную музыку и демагогические возгласы «Вся власть – Советам!» нас подбросило к точке двоевластия. Оттуда по закону социальной физики мы сверзились в постперестроечную яму. Без Советов, без страны и даже без штанов.

Людо Мартенс был одним из тех иностранных коммунистических деятелей, которые в разное время, но задолго до частично опомнившихся в конце 1980-х советских коммунистов, осуждали безыдейное реформаторство наших лидеров и, в первую очередь, пресловутую горбачёвскую перестройку. Он уловил главное: кремлёвская контрреволюция неслучайно начала свою деятельность с охаивания Сталина. Она ничего не делала спонтанно, а била в точную цель. Уничтожение сталинизма – это уничтожение ленинизма, уничтожение ленинизма – это уничтожение марксизма. Всё вместе – это уничтожение СССР, социалистического лагеря и мирового коммунизма, что и требовалось совершить согласно страстной мечте отборных чело-веконенавистников и столь же отборных идиотов разных времён, народов, классов, стран.

Очевидно, что здесь возникает вопрос: о каком-таком сталинизме идёт речь? Мартенс в своей книге даёт лишь частичный ответ на него. Чувствуется, однако, что он вплотную подо-брался к осознанию не только практических, но и теоретических истин Сталина. А это и есть сталинизм.

Когда жил и творил Карл Маркс, то почти никто, кроме Фридриха Энгельса, не осозна-вал, что новая философия освободительной борьбы, политико-экономические законы, откры-тые и введённые в её теорию и практику, могут и должны называться марксизмом. Это про-изошло позже. Лишь после смерти Маркса данный научный термин прочно укоренился как среди последователей, так и в стане противников.

Когда жил и творил Владимир Ильич Ульянов-Ленин, терминологического понятия «ленинизм» практически не существовало. Несомненно, что лично Ленин резко возражал бы против использования нами этого понятия. Но после его кончины оно всё-таки вошло в жизнь, в плоть и кровь политических и экономических реалий.

Это вполне естественно. Ведь ленинизм, логично и последовательно вырастая из марк-сизма, явил собой новый крупнейший прорыв в данной области человеческих знаний. Условно говоря, если Маркс определил, **что** следует делать для сокрушения эксплуататорского обще-ственного строя, то Ленин определил, **где и когда** это можно и нужно сделать. Иными сло-вами, марксизм и ленинизм есть две количественные и качественные ипостаси одного и того же великого учения. Их можно представить в виде 1-го и 2-го этажей здания коммунистиче-ского будущего.

Внушительным историческим фундаментом ему послужил предыдущий многовековой вклад личностей и масс в дело борьбы против рабства, неравенства, господства денежного мешка. «Стройматериал», уложенный в основание, состоял из: а) знаний, заключённых в уст-ных и письменных произведениях провозвестников справедливого общества; б) практического опыта, накопленного в ходе умственного и физического труда, стачек, восстаний, иных соци-альных процессов, формирующих общественное сознание.

Словом, понятия «марксизм» и «ленинизм» утвердились не благодаря, а вопреки жела-нию создателей обоих этажей грандиозного строения. Грандиозного ещё и потому, что вовсе не двухэтажного. На сегодняшний день мы имеем целых три этажа, являющихся плодом гени-ального социального зодчества. Третьим является сталинизм – следующая количественная и

качественная ипостась учения Маркса, Энгельса, Ленина. Та, что определила, **как** – какими силами, средствами, в каком направлении – строить и защищать новую жизнь².

Итак, Маркс не запатентовал марксизм, хотя совершил в умах колоссальный, не сравнимый ни с чем в истории переворот. Ленин даже не заикался о ленинизме, хотя подготовил и осуществил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, победил в гражданской войне. Для Сталина был неприемлем малейший намёк на сталинизм, хотя за его плечами уже были такие титанические свершения и победы, как индустриализация, коллективизация, разгром троцкистско-бухаринской контрреволюции, триумф во Второй мировой войне, послевоенное возрождение и многое другое.

Парадоксальность ситуации в том, что вожди в своей скромности были правы. Как были одновременно правы их потомки, которые через некоторое время после ухода вождей из жизни делали вышеприведённые именные понятия устоявшейся, верной научной нормой.

Почему же не стало нормой употребление термина «сталинизм»?

Вообще-то сразу после похорон И. В. Сталина непривычное для сегодняшних поколений словосочетание марксизм-ленинизм-сталинизм стало появляться, не могло не появиться, изредка в выступлениях советских, чаще – зарубежных деятелей, в нашей и иностранной прессе, в научной литературе. В СССР это продолжалось недолго – какую-то пару лет, до уже упоминавшегося XX съезда КПСС, состоявшегося в 1956 г. На закрытом заседании перед делегатами съезда выступил Хрущёв. Выступил самовольно, поправ нормы партийной дисциплины, социалистической законности и принятой у советских людей морали. Выступил с тайно подготовленным докладом о культе личности Сталина, а фактически с грубым, бездоказательным враньём.

Так был дан старт государственному антисталинизму в СССР. Так мировая реакция обрела своего неожиданного и лучшего союзника, который сделал ей бесценный идеологический подарок. Из монолитного триединства, воплощённого в марксизме-ленинизме-сталинизме, ревизионистами и оппортунистами была изъята венчающая его часть. Усечённая, искажённая теория не могла не породить такую же искажённую практику. Это неумолимо вело и привело к логическому концу – уничтожению советской державы, служившей в сталинскую эпоху прообразом заветного будущего человечества.

Значение имени, символизирующего исторический этап, не превалирует над значением того, что под этим именем свершилось. Здесь в полной мере работают законы соотношения формы и содержания. Ни первым, ни вторым жертвовать нельзя. Однако в случае со сталинизмом враг попытался – и небезуспешно – оболгать, обкорнать формосодержательное целое. То, что наступило в СССР потом, было по внешнему виду многоименным, но фактически безымянным этапом нашего теоретического и практического существования, сильно ослабленного, являвшегося околонульным и околоскоммунистическим.

Заканчивая это неполное, но достаточное в данном случае пояснение, добавлю: марксизм – это только марксизм. Говоря о ленинизме, мы имеем в виду марксизм-ленинизм. Сталинизм есть, соответственно, марксизм-ленинизм-сталинизм. Речевая экономия позволяет употреблять эти термины обособленно. Но и тогда сталинизм выступает в качестве наиболее полного эквивалента научного коммунизма. Это продлится до тех пор, пока из прежней фундаментальной трёхсоставной базы не прорастёт новый этап нестареющего учения.

² Здесь тоже присутствует некоторая условность. Ведь ответы на вопросы «что», «где», «когда», «как» в тактически неодинаковом, но в стратегически едином виде содержатся в наследии каждого из классиков коммунистического учения. Но есть и безусловность. Она заключается в живом характере их философского творчества, которое отторгает любое идолопоклонство или насилие над собой, но поддаётся совершенствованию. И даже требует антидогматического, преемственного расширения и углубления.

О тех, кто в наше время отрицает «варварский» сталинизм, исповедуя «цивилизованный» марксизм, и поминать не стоит, настолько они мелки и ничтожны, а порой просто потешны.

Между тем есть вполне преданные коммунистическим идеям люди, уважающие Иосифа Виссарионовича Сталина, но считающие, что возник и живёт лишь марксизм-ленинизм, что настаивать на рождении сталинизма значит лить воду на мельницу троцкистов. Последние в своих инсинуациях когда-то исходили из противопоставления марксизма ленинизму, сегодня – из противопоставления марксизма-ленинизма сталинизму. Но исходить-то следует из объективной, неразрывной связи всех трёх несущих элементов (этажей) здания, в котором был воплощён идейный проект, органично сочетавший самые передовые мысли, слова и дела. Тогда вы не только не потакаете провокаторам, но лишаете их провокацию действительности.

«Сталинист?» – их излюбленный вопрос-обвинение, которое они, как клин, вбивают в наши ряды, надеясь запугать.

«Сталинист!» – наш гордый, непреклонный и безбоязненный ответ, вышибающий их клин.

Мудрость гласит, что «доказательство существования солнца – само солнце, поэтому, требуя этого доказательства, не отворачивайся от светила». Если не отворачиваться от Сталина, научно оценивать свет, исходящий от его письменными трудами и всей деятельностью, то не могут не открыться бесспорные свидетельства существования сталинизма.

Коль скоро он является наивысшей точкой сцементированного триединства, нелишне хотя бы схематично коснуться основ, важнейших составных частей его. Тем более что большинство читателей, даже сведущих в марксизме и в ленинизме, в вопросах сталинизма «плавают».

Если рассматривать сталинизм сам по себе, то этих основ у него **четыре**. Первая – это работы и высказывания Сталина по теме, имеющей обобщающее название «Национальные проблемы». Вторая обобщается темой «Философские проблемы». Третья – темой «Экономические проблемы». Четвёртая – темой «Военные проблемы».

По первой теме главные труды были написаны Сталиным ещё до революции. В них дана развёрнутая картина национальных и интернациональных проблем в историческом развитии и в перспективе, дано наилучшее научное определение нации. Заложена программа гармонизации межнациональных отношений. Возникновение уникальной исторической общности – советского народа – тесно связано с соответствующими сталинскими научными исследованиями и представляет собой одну из ведущих заслуг сталинизма. То, как ненавидит советский народ всякая буржуазия, являющаяся врагом всех народов вообще, включая собственный, – лучшее доказательство правильности пути, по которому шло заложенное Сталиным развитие наций в СССР.

По второй теме важны сталинские мысли о диалектическом и историческом материализме: без овладения этими двумя столпами обществоведения немислимо овладение коммунистическим учением. В том числе это можно назвать высокочеловеческой популяризацией, приёмами которой вождь пользовался мастерски. Непростая философия нашла своё отражение в доходчивом, привязанном к практике, хорошо усваиваемом виде. В ней разбирались до этого лишь руководящие партийные и комсомольские кадры, да и то не все. Отныне коммунистическое учение и его большевистская сокровищница становились достоянием народных масс, входили в систему как образования, так и самообразования.

Статьи и лекции Сталина послужили концептообразующим материалом к вычленению ленинизма в качестве самостоятельной, хотя и развившейся из марксизма теории.

Кроме того, был выдвинут теоретический постулат высокого философского уровня и политического предвидения: по мере продвижения вперёд по пути социалистического строи-

тельства остатки капиталистических элементов на определённых этапах увеличивают сопротивление, классовая борьба обостряется, поэтому советская власть должна не ослаблять, а наращивать усилия по подавлению этих элементов. (Последние становятся наиболее опасными на стадии агонии).

Получила дальнейшее развитие важная марксистская теория о базисе и надстройке. В частности, Сталин доказал, что язык не является надстройкой; это имело, между прочим, не отвлечённый, а прикладной характер и острое политическое значение³.

По третьей теме Сталин впервые обосновал сначала теоретически, а затем практически возможность построения социализма собственными силами в одной стране, находящейся в капиталистическом окружении⁴. Вождь выдвинул шесть условий развития промышленности для победы социализма. Открыл гениальную формулу основного экономического закона социализма, которая есть ключ к решению любой задачи по обеспечению рациональности народного хозяйства во имя общественной и персональной пользы. И включил в повестку дня актуальных теоретических исследований возможность построения коммунистического общества в отдельно взятой стране.

По четвёртой теме Сталин определил сущность стратегии и тактики в их политическом и военном единстве. Обогастил военную мысль положениями об универсальных, постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, откуда проистекала непосредственная организационная связь её хода и исхода со степенью и характером экономического и политического развития государства, с господствующей в нём идеологией. Ему принадлежит новое слово в вопросах, посвящённых активной обороне, оперативному маневрированию, законам наступления и контрнаступления, взаимодействию родов войск. А также – в выработке разнообразных тактических приёмов, например: захода в тыл противника, одновременного и разновременного прорыва его фронта на нескольких участках, прорыва флангов вражеских войск.

Вождь разрабатывал или принимал участие в разработках методов окружения группировок противника с последующим их рассечением и уничтожением по частям, артиллерийского наступления (ему принадлежит крылатое выражение «Артиллерия – бог войны»), достижения превосходства на театре военных действий не за счёт концентрации бомбардировщиков, как это предписывалось западной доктриной, а посредством собранной в кулак истребительной авиации⁵.

Как подробнее ознакомиться со всеми четырьмя основами сталинизма? В высшей степени просто. Как именно эти сложнейшие вопросы были рассмотрены и объяснены? В высшей степени доступно. Как их решение претворялось в жизнь? В высшей степени разумно.

Изучайте сталинскую эпоху, читайте Иосифа Виссарионовича, благо все труды его имеются в Интернете!

³ Сталин вывел языкознание из тупика, в который оно было заведено академиком Н. Я. Марром. Сторонники раскритикованного Сталиным вульгарного подхода к классовости перенесли её принципы на формирование и развитие языков. Они-то и настаивали на том, что язык относится к надстроечным элементам. То есть чем раньше общество расслаивалось по классовому признаку с появлением в нём частной собственности и основанной на материальном богатстве социальной иерархии, чем распространёнее были товарно-денежные отношения, тем более развитым, богатым, перспективным был его язык. Возникали путаница и полная чушь, что в нечистых целях использовалось расистами-колонизаторами, сионистами-космополитами и прочими господами. Из этой, мягко выражаясь, неверной посылки, выходило, что иврит совершеннее русского, что английский превосходит хинди, что язык испанцев должен жить, а язык индейцев кечуа должен исчезнуть и т. д.

⁴ Впервые в партии об этом было заявлено летом 1917 года на VI съезде РСДРП(б), то есть ещё до того, как большевики пришли к власти. Прогностическое выступление принадлежало И. В. Сталину.

⁵ Никто и ничто не сотрут из всемирной истории войн знаменитые десять сталинских ударов 1944 года – эталон применения военной науки на практике. Ни одна из полутора сотен стратегических операций на фронтах Великой Отечественной войны максимальной протяжённостью более чем в 6 тысяч километров не была спланирована и проведена без прямого руководства или участия Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Подавляющее большинство этих операций были победоносными.

Но продолжим. Горбачёв, возглавив КПСС, открыто возмущался термином «сталинизм». Страшая своих критиков, запутывая собственные прокапиталистические следы, он утверждал, что это, мол, выдумка врагов коммунизма. Такая «забота» о коммунизме ярого антикоммуниста говорит о том, что термин точен. Лишённые инструмента сталинизма, коммунисты, критикуя горбачёвские действия, выглядели и выглядят нерешительно, неубедительно, немощно и даже плаксиво.

Подкованные враги народа всегда знали, что сталинизм в качестве научно обоснованной системы философских, экономических, социально-политических взглядов существует и что он практически воплощался и побеждал. Поэтому они старались либо, как горбачёвы, замалчивать и отрицать сей факт, либо, как троцкие, заставлять недалёких людей смущаться, оправдываться, отнекиваться от сталинизма. Не стало Советского Союза – и орава интеллектуального быдла перешла от ругани в адрес личности к тому, к чему втайне давно готовилась. Принялась десакрализировать, унижать и топтать возведённую под руководством личности державу, высмеивать чертежи и планы державного строительства.

Анализ сталинского духовно-материального наследия, логика классовой и национально-освободительной борьбы, перспективы и интересы рабочего движения и общего антикапиталистического сопротивления, результаты советского опыта таковы, что именно отрицание теории сталинизма льёт воду на мельницу сонма наших врагов.

Примечательно, что отрицание сталинизма как науки вместе с антисталинизмом как клеветой в адрес вождя, поразившими КПСС и другие партии, в немалой степени способствовали реанимации троцкизма. Но тот, несмотря на эту идейную подмогу, несмотря на поддержку международного капитала, так и не оправился от нокаута, нанесённого ему Сталиным. И по сию пору часто вынужден действовать негласно, открепчиваясь от своего истинного названия и содержания.

Мартенс опубликовал книгу «Другой взгляд на Сталина» давно, в 1994-м. Она сразу стала скандально знаменитой. Для привыкших к зоологическому антисталинизму европейских читателей книга «родного» автора прозвучала как бомба. Ведь она в корне противоречит насаждаемому правящими кругами Запада отношению к деятельности и личности Сталина в качестве неприемлемых. Соответствующую эпоху не только советской и российской, но и мировой истории они стараются принизить до малозначительного эпизода.

Должен ещё раз сказать, что автор книги не поднялся до высот научного осознания сталинизма, восприятия не только практического, но и теоретического вклада Сталина в сокровищницу нашего учения. Тем не менее книга уподобилась тарану, пробивающему стену антисталинской, антисоветской и антироссийской пропаганды, особенно беспардонной в Западной Европе. Мартенс внёс определённый вклад в развитие того, что на Западе именуется **новой историей**. Пусть не методологический, а популяризаторский вклад, но и это немаловажно в условиях засилья в западной и прозападной историографии откровенных фальсификаторов. Благодаря ему Сталин и сталинизм если не были полностью реабилитированы в глазах дезинформированного европейского общества, то вызвали неподдельный интерес к себе.

Несмотря на то что книга переведена на несколько языков и пользуется спросом, её довольно трудно разыскать в европейских книжных магазинах. Чаще всего книгу распечатывали из Интернета. Причём происходит это в тех странах, где громче всех распинаются о свободе и демократии.

В зияющую брешь пока не хлынул всесокрушающий поток правдивых материалов о сталинской эпохе, о самом вожде. Но уже полетели первые ласточки будущего торжества оклеветанного сталинизма. Гровер Ферр, Харпал Брар, Клаус Хессе, Ян Грэй, Абдул Мумин, Билл Бланд, Виджай Сингх, Сатъя Гупта, Нейл Гулд, Умберто Ботафава, Мони Гуха, Туфал Аббас, Пабло Миранда, Арч Гетти... – отнюдь не каждый из этих людей, столь разных и столь удиви-

тельно единодушных по фундаментальным вопросам историзма, член компартии. Кое-кто из них был достаточно осторожен в оценках подлинно прогрессивных явлений жизни. Однако их книги и статьи, доклады и речи срывали маску с фальшивых радетелей правды на всех континентах и продолжают делать это даже после кончины некоторых из перечисленных авторов.

А вышеозначенными радетелями являлись, прежде всего, оппортунисты и ревизионисты, заполонившие идеологический аппарат КПСС. Они как огня боялись просталинских выступлений, препятствовали им в СССР, перекрывали каналы их доступа извне. Наперекор всем запретам мероприятия в защиту – если не сталинизма, то доброго имени Сталина – проходили и проходят в Индии и США, в Италии и Новой Зеландии, в Албании и Пакистане, в Перу и Конго, в Греции и Афганистане, во Франции и Турции, в Ираке и Японии...

Жаль, что Мартенс и многие другие зарубежные друзья были лишены возможности воочию убедиться в стихийном протесте против антисталинизма в Советском Союзе. Порой он был массовым, порой единичным, но не прекращался никогда.

Наиболее впечатляющие и кровопролитные выступления состоялись при Хрущёве – в Тбилиси (1956 г.) и в Сумгаите (1963 г.). Впоследствии протест нередко выливался в самовольное развешивание портретов вождя по месту жительства и работы его сторонников, в подпольное изготовление фотографий Сталина и их наклеивание на транспортных средствах. Случалась самовольная установка бюстов. На улицах, вдоль шоссе и железных дорог появлялось написанное аршинными буквами, кричащее – «Сталин». Призыв «да здравствует» не требовался: всё было ясно и так.

Бюсты демонтировались, лозунги стирались... Но власти были не в состоянии проконтролировать и пресечь собрания по домам и квартирам, где 21 декабря праздновали день рождения И. В. Сталина, а 5 марта поминали его смерть. Впрочем, тосты за Сталина можно было услышать в кафе и ресторанах.

Ныне всё громче звучат требования огромного числа граждан постсоветских республик вернуть имя Сталина проспектам и площадям, установить ему памятники. Десятки их установлены жителями городов и сёл. Как правило – явочным порядком и довольно скромного вида. Но символическое значение этих мемориальных знаков колоссально. Кое-где власти оказались вынужденными узаконить их, подчинившись народной воле. У меня нет возможности рассказать подробнее об этом, как и о более серьёзном сопротивлении в советские годы, заключавшемся в организации нелегальных политических групп на платформе сталинизма. Напомню только, что репрессивные действия органов госбезопасности в послесталинский период характеризуются половинчатостью в отношении диссидентов из числа антисоветчиков и антикоммунистов. Зато они были – сознательно, установочно! – суровыми в отношении сталинцев, которые и тогда представляли, и сейчас представляют собой беспримерный образец преданности советской родине, коммунизму. Если значительное количество вышеназванных диссидентов наказывалось высылкой на Запад (щуку бросали в реку), то всех арестованных и осуждённых сталинцев ожидали далеко не сахарные тюремные условия.

За границей продолжают выходить произведения, разоблачающие хрущёвско-горбачёвских прихлебателей и их антисталинскую истерию. Эти произведения, к сожалению, были и остались малодоступными для отечественного читателя, так как за малым исключением пока не переведены на русский язык. А те, что переведены, печатаются уже вторым и третьим изданиями – настолько востребованы россиянами, уставшими от попугайских, топорных и традиционно брехливых антисталинских рассказов. Нам столько десятилетий внушали, мол, редкие кучки сталинистов окопались исключительно в советском прошлом, весь мир давно-де выбросил сталинизм на свалку истории... Поэтому тяга к познанию внезапно открывшегося иностранного просталинского взгляда на историю особенно велика.

Ситуация с аналогичными книгами в России несколько иная, но есть и сходство. За последние годы на отечественном книжном рынке появилось много работ добросовестных российских авторов, камня на камне не оставляющих от общей антисоветской и частной антисталинской лжи. Однако их зачастую гораздо более содержательные труды остаются малодоступными или вовсе недоступными подавляющему большинству зарубежных читателей по причине отсутствия переводов даже на широко распространённые языки – английский, французский, немецкий, испанский, португальский, арабский, китайский, хинди, не говоря о других.

Очередное издание книги Людо Мартенса предпринято издательством «Алгоритм» под возвращённым, оригинальным заголовком: «Другой взгляд на Сталина». Предыдущее издание называлось «Запрещённый Сталин». Этот заголовок тоже был оправданным, потому что буржуазные власти и обслуживающие их масс-медиа, европейская книжная торговля книгу замалчивали, бойкотировали, запрещали. Неудивительно. С появлением каждой такой книги капитализм шипит и брызгает слюной, как раскалённая антисталинизмом сковорода, которую Истина, презирающая всё и вся, кроме объективности, словно окатывает холодной водой.

Не буду утомлять читателя пересказом содержания книги Мартенса. Но заострить внимание на тех или иных острых моментах необходимо. Впрочем, все её «моменты» являются острыми, ибо описывают тектонические сдвиги в жизни не только СССР, но всего мира.

Автор охватил практически все стороны сталинской эпохи, включая самые болезненные. Это, например, репрессивные меры в отношении врагов народа, проанализированные наиболее полно в главах «Большая чистка» и «Борьба против бюрократизма», а также в главе «Коллективизация». Сюда же относится особенно полюбившаяся в 1990-е годы западным и прозападным пропагандистам спекулятивная тема так называемого голодомора на Украине, досконально освещённая в главе «Коллективизация и „украинский холокост“».

Кстати, в этой главе Мартенс во всеоружии документов воздаёт должное бандеровским подонкам, которые в период написания книги уже всюю поднимались на щит украинскими нациками. Эти человекозавры дорвались до власти сразу после уничтожения СССР в 1991-м. Но Людо Мартенс не дожил до 2014-го, когда те, взбесившись от безнаказанности, развязали кровавую бойню против несогласных с бандеризацией Украины. Иначе обязательно посвятил бы этому целую главу, лейтмотивом которой наверняка стало бы: Сталина на вас, христопродавцы, нет!

Он рассуждает о вероятных 1–2 миллионах украинцев, умерших от голода в 1932–33 годах. Но я позволю себе возразить автору, ибо и это число является преувеличенным, не говоря о фантастических 20 миллионах жертв «голодомора», по которым стенают наёмные плакальщики независимой Украины и остального постсоветского пространства.

Отмечу и другое. Указивка насчёт голодомора пришла из США, где, кстати, в период, прозванный Великой депрессией, тоже голодали и недоедали миллионы. В зарубежной печати сообщалось, что по этой причине там умерли от 2 до 4 миллионов человек. В это время массово голодало также население ряда районов Европы, Китая, многих стран Латинской Америки, пол-Африки. А в такой густонаселённой стране, как Индия, находившейся под «эффективным» управлением «демократических», «цивилизованных» англичан, всеобщий или частичный голод был перманентным состоянием.

Однако только на Украине возникло «научное голодомороведение» и профессия «голодомороведа». Народ, искренне скорбящий по умершим, среагировал на дешёвку властей моментально: приевшееся выражение «политические держиморды» заменил на «политические голодоморды». Внешне эти морды, конечно, совсем не голодные, а даже раскормленные, для чего достаточно глянуть на миллиардера и по совместительству президента – Порошенко.

Киевские холуи наперегонки бросились перевыполнять задание заокеанского барина. Если в США в разное время оценка жертв «голодомора» колебалась от 1 до 6 миллионов, то в

украинской печати после резвого 10-миллионного старта замельтешили лихо взятые «голодомордовыми» бегунами барьеры в 15, 16, 18, 20 миллионов.

Делайте ставки, панове: кто больше? Будьте спокойны, найдутся шановни паны, кто насчитает больше. Ведь до конца забега, где с печеньями, оставшимися после раздачи на киевском майдане, будет поджидать госдеповская мадам Нуланд, пока далеко. Самостийникам невдомёк, что картина выходит сюрреалистическая: ни много ни мало вымерло больше половины тогдашнего населения республики. Обычно таким слово- и цифроблудием национальные компрадоры отрабатывают западные кредиты, то есть взятки. Но, сдаётся, на сей раз они были честны, они просто сбрендили.

Заокеанский барин, однако ж, более чувствителен к критике, затрагивающей его умственные способности, тем более что «holodomor» не самый большой козырь в его антикоммунистической, она же антироссийской, колоде. И он крепко обидел свою жовто-блакитную дворню, заставив её снизить официально признанное число жертв до менее 4 миллионов.

Но дворня пьёт горилку и мечтает: барин ещё сменит гнев на милость, даст потешить хохлацкую душу, разрешит подсчитывать число пострадавших селян и громадян, как оной душе угодно, сразу после того, как НАТО сядет гарнизонами по усей Украине, а Россия с божьей помощью помре, тады и тутошних москалей изведём. Аминь! Если не считать «горилки» и «хохлацкой души» и сделать некоторую поправку на моё неважное знание украинской мовы, то в этом длинном предложении весьма точно воспроизведено мнение одного из моих попутчиков в поезде «Киев – Одесса». Было это за пятнадцать лет до пресловутого евромайдана, воссоединения Крыма с Россией и начала боёв в Донбассе!

Зато ещё раньше – в 1930-х годах – был подведён юридический и практический итог голоду, который действительно случился в ряде районов РСФСР, Украинской и Казахской ССР. Причина не только в сильной засухе, экстраординарном распространении болезней сельскохозяйственных культур, эпидемии тифа. И не только в ожесточённом сопротивлении кулачества в купе с остатками недобитой белогвардейщины политике коллективизации.

Советская власть изобличила, судила и казнила активистов буржуазно-троцкистского подполья, которые хотели организовать всесоюзный голод с многомиллионными жертвами. Он позволил бы им облегчить антибольшевистский переворот в Кремле либо вызвать гражданскую войну и новую иностранную интервенцию, чтобы захватить власть. Они небезуспешно работали в этом направлении, опираясь в том числе на помощь западных шпионских ведомств. Однако удалось им организовать лишь голод локальный. Он унес жизни пусть не миллионов, но сотен тысяч людей, и трагический жребий, выпавший на их долю, взывал к отмщению.

Вина за эту трагедию целиком и полностью лежит на капитализме и его агентах, стремившихся сорвать создание колхозов и социалистическое переустройство нашей жизни. Сталинизм добрался до них. Сталинизм отомстил им. Сталинизм покарал их и благодаря успешно законченной коллективизации быстро выправил положение, накормил и спас население голодающих районов.

Кто и что покарает нынешних разорителей Украины и других постсоветских республик, устроителей разрухи, безработицы, голода, вандализма, кровопролития и другого мора? Он, ста-ли-низм.

Что касается событий, которые с хрущёвских времён преподносятся нам по единому трафарету в качестве «незаконных, массовых сталинских репрессий», то Мартенс со знанием дела разбирает сомнительные и обильные источники, откуда сталиноненавистники черпали и черпают свои полные вымысла и ядовитого вдохновения тезисы. Мы, защитники и последователи сталинизма, противопоставляем бредням и откровенному вранью не только факты и элементарную логику, но ещё и более жёсткий, и обвинительный, чем у Мартенса, радикализм.

Миф о незаконности репрессий разбивается уже тем фактом, что в Советском Союзе, как и в любом государстве, существовали законы, притом неукоснительно соблюдавшиеся. Само собой, эти законы были прописаны в соответствии с идейными требованиями диктатуры пролетариата, установленной Октябрьской революцией 1917 года, и отвечали положениям принятой в 1936 году Конституции. Класс, стоящий у власти, и только он, очерчивает правовое поле, в рамках которого осуществляются репрессии. Они служат его классовым интересам, поэтому демагогия о законности/незаконности сути проблемы не отражает.

Может быть, хулители Сталина, настолько безграмотны юридически, что хотели бы, чтобы на территории СССР действовали законы какого-то иного государства? Вопрос риторический.

Миф об особой репрессивности сталинского режима не выдерживает критики: насилие есть одна из естественных, неотъемлемых функций государственного аппарата, реализуемая повсеместно, независимо от общественно-экономического строя. Репрессивно-карательный характер государство утратит лишь после исчезновения классового деления общества, то есть при коммунизме. Тогда, собственно говоря, отмирает и само государство.

Довоенные и в значительной мере послевоенные репрессии в СССР – это в действительности неизбежная, предсказуемая классовая борьба в суровейших условиях империалистического окружения. Наши репрессии были направлены исключительно против антисоветских и антикоммунистических элементов. Случалось, от них страдали невинные – это было результатом обычных судебно-следственных ошибок. Случалось, количество невинных вдруг резко возрастало – это было результатом происков пока ещё не разоблачённых врагов народа. Главное и несомненное: в целом они были благом для социализма и злом для капитализма. Понятно, что репрессии буржуазного общества имеют для нас обратное значение.

Смогут ли критиканы от антисталинизма найти в мировой истории хоть одно государство, чья политика не имела бы репрессивных черт? Вопрос риторический.

Миф о массовости репрессий разбивается не менее красноречивыми фактами. Хрущёв первым озвучил количество лиц, приговорённых в СССР к смертной казни за период, охватывающий 1921—54 годы, – 642 тысячи человек. Во время перестроечного шабаша специально созданная комиссия, спрятавшись подальше от чужих глаз и скребя непонятно по каким архивным «сусекам», вдруг выдала новую цифру: 750 000 человек. В 1992 г. ещё одну: 878 000 человек, скороговоркой пробормотав, что таково общее число расстрелянных за всё время существования советской власти.

Между делом отмечу, что есть историки, подсчитавшие, что на долю сталинского правления приходится порядка 300 тысяч человек, проходивших по «тяжёлым» политическим статьям и приговорённых к высшей мере наказания. Но оставим в покое данные этих исследований. Просто сравним. Существуют оценки, согласно которым из-за осуществлённых мировым капиталом в XX столетии запланированных геноцидов, спонтанной расовой и межэтнической резни, религиозных столкновений, открытых межгосударственных и внутригосударственных войн и военных конфликтов, секретных военных операций, официальных репрессий, неофициального самосуда, карательных колониальных экспедиций, смерти от голода и искусственных эпидемий, гибели от рук организованного криминалитета, несудебной расправы по политическим мотивам, террора со стороны «эскадронов смерти», пыток в учреждениях тюремного типа и т. д., и т. п. человечество недосчиталось до полумиллиарда собратьев!⁶

⁶ О так называемых «эскадронах смерти» нужен отдельный комментарий. Капитализм любит содержать этот «род войск» для своих особо грязных делишек. Прибегал и продолжает прибегать к нему на всех континентах, хотя, конечно, не в каждой стране. «Эскадроны смерти» и немногим отличающиеся от них отряды «парамилитарес» наиболее популярны у правящих кругов Латинской Америки. Полагают, что только в Колумбии в прошлом веке от их рук пало 200–400 тысяч человек. Они творят дикий произвол над мирным населением, широко используются в контрпартизанских операциях. Негласно создаваемые правительствами на базе уголовников и прочего отребья подобные паравоенные отряды не связаны в своём разбое ника-

Вычислено, что земляне пережили 15 тысяч войн. За последние 6 000 лет писаной и, ясное дело, несоциалистической истории они жили без войн в общей сложности не более 300 лет. Имея в виду историю, не зафиксированную никакими документами, можно утверждать, что мирных периодов на планете не было вообще. По самым скромным подсчётам, встретить наступление третьего тысячелетия от рождения Христа должно было не шести-, а десяти-двенадцатимиллиардное человечество. Тысячи народов и племён не устояли под страшным натиском неприродных стихий, не спаслись от самого страшного существа биологической природы – человекозавра, обуянного страстью к частной собственности и наживе, и были подчистую стёрты с лица Земли.

Кто-нибудь может назвать хоть один народ, уничтоженный сталинизмом? Вопрос опять-таки риторический.

Вывод однозначен. Репрессии 1930-1940-х годов были законным, оправданным, эффективным средством противодействия реальным угрозам, нависавшим над советской страной.

В преддверии смертельной схватки с фашизмом – этим ударным отрядом мирового капитализма – она была вычищена от самого опасного врага, каковым является внутренний. Во время схватки к репрессиям можно было отнести действия по подавлению шпионско-диверсионной деятельности, по борьбе с дезертирами, бандитами, паникёрами, мародёрами, то есть действия, разрушившие надежды врага на создание хаоса, на национальную и политическую разнь в СССР. После схватки репрессии помогли нам противостоять натиску новоявленных претендентов на мировое господство, прикрывшихся латанным-перелатанным флагом «демократии» и готовых к новому людоедскому броску на нас.

Не вышло. Послевоенные репрессии вырезали опухоль бандеровщины на Украине, профашистское подполье в Прибалтике, обезопасили наши границы на юге, укоротили аппетиты космополитов, ликвидировали тенденцию к националистическим уклонам в партии и т. д. А сталинская ядерная (вскоре и термоядерная) бомба положила начало созданию того надёжного щита, который спасал и сейчас спасает мир от развязывания атомной войны.

Вывод, однако, требует продолжения: в сравнительно-историческом аспекте, учитывающем все реалии, все плюсы и минусы многообразного бытия, всю суть общественной эволюции и революционных, антикапиталистических преобразований, более экономически и культурно прогрессивного, гуманного и жизнеспасающего явления, чем сталинизм, ни нашей стране, ни всему человечеству неведомо.

Мартенс, в отличие от большинства вялых и безынициативных коммунистов постсоветского разлива, не оправдывается и не несёт чепухи вроде того, что, мол, партия и народ осудили те репрессии и больше не допустят их. Любимая песенка осколков бывшей КПСС не для него. Но даже он, на мой взгляд, чересчур много внимания уделил опровержению фальшивок, повествующих о якобы залитом кровью невинных жертв сталинском Советском Союзе. Всё-таки их лучше игнорировать, брезгливо отбрасывая прочь.

Правда, лидера ПТБ можно было понять. У бельгийской и прочей европейской публики было и есть гораздо меньше возможностей, чем у нас, дабы знакомиться с разнообразными опубликованными документами, мемуарами, послушать и посмотреть обширнейшие аудио- и видеоматериалы, поработать в архивах, опросить очевидцев, докопаться до истины в этом, да

кими юридическими нормами, отличаются беспрецедентной жестокостью. Как правило, оплачиваются местными богачами, но есть и старательно маскируемое финансирование из госбюджетов. Тренируются и натаскиваются армейскими инструкторами. Руководят ими обычно тоже кадровые офицеры, как действующие, так и в отставке. Некоторые сотрудники полиции и жандармерии, сняв мундир, в свободное от службы время и обычно с одобрения начальства принимают участие в боевых вылазках «эскадронов смерти». Таковы универсальные признаки подобных формирований, появившихся также на постсоветском пространстве.

и во многих других вопросах, таящихся в ёмком, даже необъятном пласте жизни, носящем определение «сталинский».

Отрадно, что в Российской Федерации появилось немало квалифицированных газетно-журнальных и книжных опровержений, после чего байки антисталинистов, страдающие цифровым гигантизмом, одна за другой потихоньку отправляются в мусорную корзину. Благодаря кропотливой работе ряда историков и архивистов современной России, многомиллионная статистика «расстрелянных сталинских жертв» давно скукожилась до, повторяю, нескольких сотен тысяч поставленных к стенке уголовных и политических преступников. Зато вот о чём прямо и дерзко спрашивают многие жители разорённых постсоветских земель, попавшие под вернувшийся к ним капиталистический гнёт: почему товарищ Сталин так мало уничтожил врагов народа? Разве произошла бы в СССР перестройка, а до неё – хрущёвский переворот, если бы товарищ Сталин проявлял меньше гуманизма и больше суровости? Этот вопрос приходится слышать даже от молодых, родившихся после 1991 года.

...Владельцы российских печатных изданий не хотят работать на корзину. Им нужна прибыль, а её не добиться без реализации масс-медийной продукции. Вот и выходят потихоньку в свет материалы, где в большей или меньшей степени отражена достоверная информация о Сталине, о социализме, о советском прошлом. То же самое относится к радио и телевидению. Они кормятся за счёт рекламы, та – за счёт рейтинга, тот – за счёт популярности передач. Хочешь – не хочешь, а ложь или правда о Сталине и сталинизме соответственно снижают или повышают доходность бизнеса этих господ.

Ради барыша они согласны перестать игнорировать доказательную базу исследований, проделанных И. В. Пыхаловым, А. В. Островским, Е. А. Прудниковой, Ю. Н. Жуковым, А. Н. Голенковым и множеством других научных талантов, и да простят они меня за то, что я не могу перечислить их всех. Честь и хвала им, не поддавшимся конъюнктуре и соблазну услужить сильным мира сего, выбравшим неангажированное, достоверное направление в методологии научных исследований!

Ну а бизнесмены от пропаганды, чуя запах наживы, согласны разрешить печатание материалов с фактической популяризацией сталинизма, допустить теледебаты с аналогичным уклоном. Разумеется, они не перегибают в нашу пользу. Однако теперь в эфире хоть изредка можно услышать и увидеть не только закомплексованных антисталинцев, ощеривших пасть с повыбитыми зубами, а глас и лик просталинский, просоветский, прочеловеческий.

«Ни один эпизод в советской истории не вызывал столько ярости со стороны старого буржуазного мира, как чистка 1937–1938 года. Безоговорочное осуждение чистки в одних и тех же выражениях можно видеть в памфлетах неонацистов и троцкистов, в претендующих на академизм работах Збигнева Бжезинского и книге шефа по идеологии Бельгийской армии», – написал Людо Мартенс.

Как бельгийский подданный, он был прекрасно осведомлён об этом шефе, выползшем из недр спецслужб. И, приступив к критическому разбору антисталинских фальсификаций в области репрессий, начал с благоглупостей, навороченных именно этим почётным профессором Бельгийского Королевского военного колледжа. Тем более что параноидальные высказывания последнего встречаются и в других разделах книги Мартенса. В конечном счёте «Другой взгляд на Сталина» успешно вскрыл корни ярости и ненависти буржуазии к вождю советского народа и всех прогрессивных сил планеты.

Для человека просвещённого, активно интересующегося историей, читавшего разнообразную литературу (художественную включительно), то есть имеющего основательную советскую культурную подготовку, произведение Мартенса, по большому счёту, не откроет ничего нового. Но за последние четверть века общеобразовательный уровень россиян оказался, как принято порой выражаться, ниже плинтуса. О бескультурии и невежестве огромных масс в дру-

гих постсоветских республиках лучше не заикаться. Таким образом, эта книга для значительного числа читателей явится настоящим откровением, помноженным на то обстоятельство, что мы смотрим на себя как бы со стороны, свежим взглядом иностранца.

Этот иностранец в чём-то ошибается или неточен, зря доверяет некоторым субъективным, пристрастным свидетелям, но, безусловно, искренен. Кроме того, он проделал колоссальную работу, вылившуюся в море цифровых и прочих выкладок – в основном аргументированных, обоснованных, убедительных. По мере сил избегая предвзятости и тенденциозности, он цитирует огромное количество авторов – как живших в сталинскую эпоху, так и наших современников, как врагов, так и друзей.

Я бы поставил ему в особую заслугу, что он продемонстрировал верный подход к троцкизму, испытывавшему, как уже говорилось, в результате десталинизации и исчезновения СССР с карты мира, определённый прилив сил. Преувеличивать его не стоит, но и недооценивать нельзя. Зловещую фигуру Троцкого, олицетворяющую лазутчика капитализма в революционных кругах, надо постоянно держать в поле зрения. Ведь её червеобразное потомство по-прежнему пытается выесть коммунистическое движение изнутри.

Троцкому достаётся от Людо Мартенса с первой же главы «Другого взгляда...»⁷. А в главе «Роль Троцкого накануне Второй мировой войны» Мартенс делает заявление уровня политического вердикта без права апелляции: «В тридцатые годы Троцкий стал без преувеличения мировым экспертом по антикоммунизму. Даже сегодня правые идеологи штудируют работы Троцкого в поисках оружия против Советского Союза времён Сталина».

Он подчеркнул многозначительное обстоятельство: Троцкий первым поставил на одну доску большевизм и фашизм. Разве не напрашивается отсюда логический вывод: все, кто сегодня уравнивает Советский союз и нацистскую Германию, Сталина и Гитлера, суть наследники Троцкого? Ещё как напрашивается. Вот и выходит, что придерживающиеся сей точки зрения официальные чины Евросоюза, руководители некоторых постсоветских республик, их так называемая либеральная интеллигенция маршируют в одном ряду с троцкистами.

Но кто такой Троцкий и что есть троцкизм?

Ленин знал, а Сталин и знал, и показал всему миру, что троцкизм изначально есть злейший враг рабочих и крестьян, народов вообще. Он замыслился и внедрялся в коммунистическую среду в роли троянского коня наихудшей разновидности капитализма – сионо-иудейской.

Необходимое уточнение. О троцкизме мы говорим и употребляем сей термин не потому, что считаем его наукой, тем более – развитием коммунистического учения. Набор примитивных и уценённых троцкистских идей ни на какой «изм» не тянет. Мы вправе говорить о троцкистах и троцкизме подобно тому, как вправе считать головорезов батки Махно последователями махновщины. Не более и не менее. Разница в том, что «махновщина» фонетически безупречна, тогда как «троцкистщина» неудобоварима для произношения.

Уместно также припомнить: если философ из Троцкого был никудышный, то политикан вышел первейший, прожжённый. Он рано учуял нарождающийся сталинизм и опасность, нависшую над стремящимися оседлать наше государство последышами иуды.⁸ Силами его лич-

⁷ Ещё до издания книги, на фоне погрома социализма в СССР и Восточной Европе, Л. Мартенс написал в 1992 г. статью «Троцкизм на службе ЦРУ». Название говорит само за себя.

⁸ Прозвища «иуда», «иудушка» Троцкий получил от Ленина. Вынужденный признавать и терпеть Троцкого, имевшего обширные международные связи и могущественных финансовых покровителей, Ленин подчас бессильно, но всегда бесстрашно крыл его как «политическую проститутку», «подлейшего карьериста», «свинью», «пустозвона», «мерзавца», награждал другими нелестными эпитетами. Заслуженными эпитетами! Основатель коммунистической партии и советского государства бывал резок, даже груб в своих отзывах. Он словесно не пощадил никого из тех, кого позже разоблачили как врагов народа: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Пятакова, Рыкова и др. Вот только скрутить их в бараний рог и заставить держать ответ перед партией и народом Ленин не смог, не успел. Он завещал это Сталину, которого прижизненно сделал

ной охраны было организовано первое покушение на Сталина в 1919 году в Харькове. Ещё раньше сработал нюх Троцкого в отношении Ленина. Задолго до революции он заголосил о «неправильном» ленинизме, всячески высмеивая и понося его и противопоставляя правильному марксизму. После он по накатанной колее принялся голосить о «неправильном» сталинизме...

Буржуазный писатель и общественный деятель Лион Фейхтвангер в те годы точно определил антисталинские выпады Троцкого: «страстно несправедливые».

Троцкий являлся особо доверенным лицом крупного еврейского капитала, пользовался благожелательным отношением к себе со стороны высокопоставленных государственных деятелей Запада, небезосновательно был уверен в своей безнаказанности. Ведь даже Сталин не посмел уничтожить иуду в 1929 году, ограничившись высылкой того из страны. Сталинизм пока ещё не окреп и не вошёл в силу, достаточную для того, чтобы наконец сокрушить пятую колонну и её главаря.

Политологическое исследование преступной деятельности Троцкого, проделанное Мартенсом, безупречно. В то же время чувствуется, что автор не был знаком с материалами об иуде и его приверженцах, появившимися в России чуть позже.

Троцкого следовало считать наиболее опасным хищником в зверинце антисталинизма уже потому, что он откровенно рвался в диктаторы. Скороспелый вождизм Троцкого разительно отличался от основательного, выращавшего на интернациональной и одновременно на почвенно-патриотической основе вождизма Сталина. Первый раскручивался на деньги богатей удивительно одинаковой этнической и классовой общности. Подогревался окружавшей челядью, удивительно однородной по тому же признаку. Орава авторов, сочинявших в его честь панегирики, имела удивительно характерные фамилии. Это они высосали из пальца выдающуюся роль Троцкого как «руководителя» Октябрьской революции, «создателя» Красной армии и «полководца» на гражданской войне. Высмеять их можно и нужно. Но при этом нелишне обратить внимание на то, что сегодня среди почитающих память о нём, удивительно много лиц разнополых, разночинных, разноподданных, но с единоплеменным происхождением.

Удивительного, даже если это слово не брать в кавычки, в его биографии вообще было много.

Не буду восполнять неизбежные пробелы в книге Мартенса. Но коснусь двух удивительных эпизодов карьеры Троцкого, члена руководства молодой Советской республики, а также – одного из постулатов, который якобы возводит сего господина в разряд теоретика.

Самый известный эпизод.

Наркоминдел Троцкий нарушил ленинский приказ подписать с немцами первый вариант Брестского мира, тяжёлого, унижительного, но вынужденного и жизненно необходимого. Это впоследствии привело к подписанию гораздо более кабального второго варианта. А отсюда – к дополнительным нашим территориальным, экономическим и военным потерям. К радости германских захватчиков. Они заняли ещё больше городов и сёл, завладели большими трофеями, получили большую контрибуцию, повсеместно упраздняя уже установившуюся власть большевиков.

Самый неизвестный эпизод.

Косвенное содействие иностранной интервенции. В частности, это имело место на Севере. Мурманский совет запросил, в какой форме можно принять военную помощь англичан, которые прибыли якобы для защиты города от возможной атаки немцев. Троцкий отреагировал телеграммой: «Вы обязаны незамедлительно принять всякое содействие союзных мис-

сий». К радости английских захватчиков. Они и другие интервенты начали беспрепятственно высаживаться со своих кораблей, захватывать наши населённые пункты, творить расправу над несогласными и тоже свергать власть большевиков.

Теперь об авторском праве Троцкого на «теорию перманентности», которую Л. Мартенс в своём произведении поминает не раз.

Идею перманентности, то есть непрерывности, революции приписывают Троцкому как все его соратники, так и многие его противники. Однако выдвинул её Карл Маркс. Он говорил, что «демократические мелкие буржуа хотят как можно быстрее закончить революцию». А интересы пролетариата требуют превзойти ограниченность буржуазных целей, сделать революцию непрерывной до тех пор, пока не будут решены задачи взятия власти рабочими, экспроприации экспроприаторов и т. д.

В. И. Ленин тоже настаивал на необходимости перерастания буржуазной революции в социалистическую. Он был сторонником вполне научного подхода к перманентности революционного процесса в определённый исторический момент, когда важно не терять темпа, не колебаться, не выжидать понапрасну.

Конечно же, взгляды Маркса и Ленина на этот вопрос не имеют с троцкистскими ничего общего.

Одним из первых эту идею опознал Александр Парвус, он же Израэль Гельфанд. Деятель германской социал-демократии, финансовый махинатор, соглядатай еврейских банкиров при революционерах, масон, агент разведок целого ряда государств, один из шёфов и спонсоров Троцкого, он долго липнул то к меньшевикам, то к большевикам. Распознав эту тёмную личность, большевики в конце концов его отвадили. Ленин даже обозвал Парвуса негодяем. Припомним, что так же им был охарактеризован и подшефный Парвуса. Всё логично: два дружка – два негодяя.

Троцкий продолжил упражнения наставника, окончательно извратив и Маркса, и Ленина. Он «постановил», что пролетариат постоянно-де готов к революции, только подтолкни, что может совершить её один, без союзников, преодолевая сопротивление крестьянства, которое, дескать, всегда настроено контрреволюционно. На деле это приводило бы к изоляции рабочего класса, а значит, к регулярному его поражению, к обильному кровопусканию народам и, соответственно, к сохранению капитализма.

Троцкий мыслил использовать эту изоляцию пролетариата для предъявления тому ультиматума со стороны капиталистов. Оказавшись в одиночестве перед классом буржуазии, то есть перед угрозой поражения, руководители пролетариата (не троцкисты) были бы при этом либо сломлены, либо уничтожены. Что касается руководителей-троцкистов, то их идейный отец гарантировал им встраивание в капиталистическую систему путём соглашательства и компромисса. Использовать революцию не для сокрушения буржуазного строя, а для захвата в нём командных высот, для подчинения его узко сионским интересам – вот что стояло за участием Троцкого и компании в рабочем движении. Всё в духе тайных иудейских программ.

Недаром Троцкий в годы НЭПа прибрал к своим рукам Главконцесское – ведомство, предоставлявшее концессии иностранным бизнесменам. Он из кожи вон лез, чтобы, вопреки ленинским планам, развивать внутри Советского Союза капиталистические отношения на договорной основе, обеспечивать высокие дивиденды своим политическим работодателям. В их число входило большинство крупных нэпманов и иностранных концессионеров той поры – сплошь соплеменников будущего группенфюрера СС. Несмотря на внушённый немалому числу людей сверхреволюционный имидж, политическая физиономия этой персоны на самом деле имела совершенно иной вид.

Теоретические потуги приснопамятной парочки Парвус – Троцкий не стоят выеденного яйца и затронуты здесь только потому, что так называемая перманентная революция – основа основ троцкизма, предмет его ущербной гордости и подленькой мечты.

Постойте, но при чём здесь группенфюрер СС? – спросит кто-то. «Другой взгляд на Сталина» данный вопрос обходит стороной. Однако это не было умалчиванием и произошло исключительно из-за незнакомства автора со многими тайными пружинами борьбы с левой и правой оппозициями в СССР.

Раскол России на красных и белых простёрся до коричневых рядов, куда вливалось всё, что ненавидело большевизм. То, что какой-нибудь бывший денкинец или колчаковец шёл служить Гитлеру, мы всегда знали. Увы, не помнят люди других разоблачительных фактов не столь давнего прошлого, забывают о тесных контактах и сотрудничестве с фашистами троцкистов, об ор-га-ни-за-ци-он-ном объединении подпольных троцкистских структур со спецслужбами Третьего рейха. А ведь в своё время об этих контактах было сказано, нет, не Вышинским, не Берия, не Сталиным, вернее не только ими, а вслух и с негодованием (вполне возможно, с искренним) хорошо информированным сэром Уинстоном Черчиллем.

Являясь одним из инициаторов гражданской войны и интервенции в России, Черчилль после поражения охладел к белогвардейским кругам. А в тех кругах охладели к британским покровителям. Стали искать новых и нашли их в лице германских нацистов. К этой антибольшевистской, антисталинской силе потянулись и троцкисты. Под эгидой свастики состоялась смычка различных, но самых активных отрядов прокапиталистического сброда, что не помняло философской сути раскола на красных и белых. Разве что рафинировало содержание и сорвало внешнюю шелуху как с российского, так и с международного противостояния капиталистов и антикапиталистов.

В 30-х годах следствие по делам врагов народа из числа высокопоставленных лиц в партийной, военной, хозяйственной и других сферах советского государства установило, что Троцкий секретно сотрудничал с немецкой разведкой с 1921 года. Но тогда почему пригласили иудушку не германские, а североамериканские круги? Правда, они не рисковали держать столь одиозного деятеля у себя дома, припрятали по соседству – в Мексике. Но ведь США находились в дружественных отношениях с Англией, а британско-германские распри были движителем, который снова раскручивал мировую войну. Причём угрожавшую не только Европе.

Эти обстоятельства никого не должны смущать. Во-первых, сотрудничество Троцкого с немцами было, как уже сказано, секретным, отчего главарю троцкистов было противопоказано находиться в Германии. Во-вторых, британцы американцам были не указ. В-третьих, янки и до, и во время Второй мировой войны сами имели тесные связи с нацистской Германией. И вообще у них были свои виды на Гитлера. Поэтому финансово-промышленные воротилы Нового Света поощряли дружбу троцкистов с НСДАП, абвером, гестапо, СС, с остальной фашистской братией.

Также ничуть не удивляют всплывшие факты сотрудничества лично Троцкого и многих его последователей с «Интеллидженс Сервис», о чём Черчилль благоразумно помалкивал. Для какого-нибудь наивного читателя здесь тоже повод к недоумению: куда-де в этом случае смотрели нацисты? В корень смотрели. В тот корень, откуда разрастается и питается всё переплетённое, ядовитое, аномальное древо западных спецслужб. Которые, даже обнимаясь, душат друг друга, затем снова обнимаются и снова душат...

Оперативные контакты разведок Германии, Италии, Англии, США имели место в течение всей Второй мировой войны. В клоачном мире капиталистического шпионажа свои нравы. Там свои неписанные законы, порой на 180 градусов отличающиеся от правовых норм буржуазных отечеств. Своя подспудная деятельность, порой абсолютно противоположная деклари-

рованной политике буржуазных правительств. Свои интересы и цели, порой не совпадающие с целями сражающихся на фронте собственных армий.

Так что немцы поскупились. Своему соратнику с такими заслугами, с таким стажем и такого калибра они могли бы присвоить звание обергруппенфюрера. Впрочем, группенфюрер – тоже не слабо: соответствовало общевойсковому званию генерал-лейтенанта.

В высоком нацистском чине, не единственном из его тайных ипостасей, и завершил свою преступную жизнедеятельность международный шпион и авантюрист, иудомасон и лжекоммунист Лев Троцкий, он же Лейба Бронштейн, которого карающая длань сталинизма настигла в далёкой Мексике. Не спасли иуду ни опекуны – североамериканские банкиры, ни полицейское прикрытие со стороны местных властей, ни толстые стены усадьбы-крепости с охранной сигнализацией и пулемётами, ни вышколенные телохранители.

Остаётся сожалеть, что с временным революционером и перманентным иудеем это произошло в 1940 году, а не намного раньше.

Мартенс не только взялся за Троцкого с первой же главы. Назвав эту главу «Молодой Сталин», он, естественно, повёл разговор о становлении партии большевиков и о юном Джугашвили как одном из наиболее активных и успешных революционеров-подпольщиков. Там же он уделяет особое внимание так называемому завещанию Ленина. Оно, как всем «известно» ещё с хрущёвских времён, скрывалось Сталиным. Причина? Якобы в нём было зафиксировано требование Ленина сместить Сталина с поста генсека.

Как относится к этой истории Мартенс, читатели прочитают сами. А я считаю необходимым дополнить его рассуждения.

Первое, что нужно сказать: никогда «завещание» ни от кого не скрывалось. С ним не только ознакомили делегатов XIII съезда партии, состоявшегося в 1924 г., – о нём подробно сообщает сам Сталин, и не где-нибудь, а в своём прижизненном Собрании сочинений (том 10, стр. 173–177). Учитывая, что Политиздат выпускал эти тома тиражом по полмиллиона экземпляров, то каким же надо быть олухом, чтобы поверить обману. Вот почему слово «известно» я взял в кавычки.

Второе, что нужно сказать: закавычить требуется также слово «завещание». Его просто не существует, ибо подобное было принципиально невозможно за всю историю РСДРП – РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. Были личные письма Ленина, которые, как и все его письма, крайне важные документы, но никак не завещание.

Я неоднократно писал, что измышления относительно враждебности Ленина и Сталина друг к другу имеют те же истоки, что и любое антикоммунистическое злословие. И не устаю повторять эту аксиому. Всё с точностью до наоборот. История мало знает примеров такого прочного единения помыслов и дел, такой кристально чистой дружбы и идейного родства. Невольно на ум приходит выдающаяся аналогия – Маркс и Энгельс.

Внимательное изучение материалов открытой печати позволяет заключить: утверждение о том, что Ленин требовал смещения Сталина с должности руководителя высшего партийного органа, является надуманным. Мы видим не столько критику в адрес Сталина, – учитывая гневливость Ленина, довольно сдержанную и незначительную, – сколько обоснование неоспоримого лидерства Иосифа Виссарионовича ввиду его политического, делового, биографического превосходства над прочими претендентами на эту роль.

Политических претензий к Сталину – а это главное – Ленин почти не имел. О своём идейном наследнике он отзывался в превосходной степени или как минимум положительно, и лишь в конце жизни два-три раза упрекнул его в том, что можно отнести к разряду мелких, скорее бытовых недостатков, которые, в общем, были свойственны также ему самому. Поэтому строгие, но несущественные упрёки были извинительны как для уходящего вождя, так и для заступающего на этот пост.

К тому моменту за плечами Сталина уже было семь арестов, десять тюрем, шесть ссылок, пять побегов, две революции и гражданская война. В результате чего в 1920-м в большевистской печати его впервые назовут вождём. Ныне, и присно, и во веки веков. Но ещё задолго до этого, в 1910-м, ссыльные, познакомившись с Иосифом Джугашвили, прибывшим по этапу в Сольвычегодск Вологодской губернии, называли его Кавказским Лениным.

Те, кто болтает о том, что Сталин до конца 1920-х был, дескать, неприметным функционером, неприкаянной пешкой рядом с другими по-настоящему, мол, значительными фигурами, не понимают, какое скудоумие демонстрируют.

В руководители Сталина выдвигали соратники, высоко ценившие доскональное знание им марксизма, безаветную преданность партии и выдающиеся организационные способности. По предложению Ленина ещё в 1912 г. Сталина заочно кооптировали в Центральный Комитет РСДРП и в Русское бюро ЦК, и он с тех пор **бессменно** находился в большевистских верхах.

Кто направлял и организовывал работу ЦК и Петроградского комитета после свержения царя в феврале 1917 года, до возвращения Ленина из эмиграции? Сталин. Накануне революции он стал членом первого Политбюро ЦК. Сразу после Октября Сталин вошёл не только в состав Советского правительства, но и в так называемую «четвёрку» – узкую группу руководителей во главе с Лениным, созданную для решения важных и безотлагательных партийно-государственных дел. Не случайно во время своего первого отпуска в конце 1917-го Ленин именно Сталину поручил исполнять обязанности Председателя Совета Народных Комиссаров. Кроме назначения на пост наркома по делам национальностей, Сталину вскоре поручили руководство наркоматом госконтроля, впоследствии Рабкрин – рабоче-крестьянской инспекции. Он стал членом ВЦИК, Реввоенсовета республики, коллегии ВЧК и куратором этого органа по партийной линии.

Другие его должностные ступени и полномочия, особенно периода гражданской войны, заслуживают не меньшего внимания. Однако буду короток. Спасать положение, затыкать дыры на фронтах, разваленных Троцким и его многочисленной креатурой, ЦК партии бросал Сталина, других столь же талантливых большевистских военачальников. У Сталина состоялись десятки командировок – их насчитывают до 80, – в результате которых выиграны все бои, сражения, битвы и кампании, проведённые по его планам и под его руководством.

Этот небольшой экскурс в сталинскую биографию позволяет заявить: закономерности партийного роста Сталина и его колоссального идейно-политического и государственного влияния привели к тому, что сразу после окончания гражданской войны он по рекомендации Ленина избирается Генеральным секретарём ЦК. Это не была «техническая должность», как спешат принизить её антисталинцы. Это был пост главы партии, созревшего преемника ленинского курса, сосредоточившего в своих руках, по словам Ленина же, «необъятную власть».

Вот тебе и «пешка», которая с первых дней советской власти являлась одним из высших представителей этой власти в масштабе целой страны!

Из других разделов книги я бы выделил тот, где рассказывается о Второй мировой войне – глава «Сталин и война с фашизмом». Мартенс сжато, но весьма последовательно и в высшей степени исторично повествует о предвоенной поре, об интриганской, чтобы не сказать вероломной и подлой дипломатии европейских держав, мечтавших сравить Германию и СССР, а самим остаться в сторонке. С возмущением пишет он о беспочвенных обвинениях Хрущёва, нагло заявившего на XX съезде КПСС, что Сталин не готовил страну к войне. Но негодует он не только по поводу хрущёвской клеветы: «В зале были десятки маршалов и генералов, которые знали, до какой степени смехотворны эти измышления. В то время они не сказали ни слова. Их узкая специализация, их исключительный милитаризм, их отказ от политической борьбы в армии, их отказ от политического и идеологического руководства партии над армией – все

эти факторы привели к хрущёвскому ревизионизму. Жуков, Василевский, Рокоссовский, все великие военные вожди никогда не признавали необходимость чистки в армии в 1937–1938 годах. Не поняли они и политического подтекста процесса Бухарина. И они поддержали Хрущёва, когда тот заменил марксизм-ленинизм домыслами меньшевиков, троцкистов и бухаринцев. Таково объяснение молчания маршалов в ответ на ложь Хрущёва о войне. Они отвергли эту ложь позднее, в своих мемуарах, когда это уже не имело никаких политических последствий и эти вопросы стали чисто академическими».

Неправ Мартенс, пожалуй, лишь в отношении одного человека – Рокоссовского. Тот вслух выразил протест, когда Хрущёв попробовал привлечь маршала к поддержке своих вздорных антисталинских пассажей. А в остальном, в пух и прах разнося хрущёвские бредни, бельгийский автор проявил объективность, правдивость, документальность, – столь редкие признаки в западноевропейской литературе о войне.

Мне бы хотелось закончить предисловие лаконичными отрывками из доклада Людо Мартенса на конференции, организованной Институтом марксистских исследований, посвящённой 50-летию со дня смерти И. В. Сталина. Конференция состоялась 5 марта 2003 года в Свободном Университете Брюсселя и носила международный характер. На ней присутствовали представители Голландии, Франции, России, Болгарии. Такие же конференции и собрания прошли во многих странах.

«Сегодня... вспоминают Сталина как величайшего революционера. При Сталине Советский Союз совершил невиданный исторический рывок, знаменующий великий переломный пункт в истории человечества. Сталин руководил самой великой революционной войной в истории – антифашистской Великой Отечественной войной. Сталин поощрял освободительские войны во всём колонизированном мире, особенно в Азии, в первую очередь в Китае и в Индии.

Сегодня мы вспоминаем Сталина, потому что его творчество остаётся крайне важным для будущего человечества. Имя Сталина олицетворяет четыре больших революционных сражения, которые решат судьбу человечества в XXI веке: борьба за экономическое развитие, борьба за независимость, борьба за мир и борьба за социализм. (...)

Сталин не был мстительным, он мог прощать прежние ошибки товарищей и дать им второй и даже третий шанс⁹.

Нацист Геббельс записал в своём дневнике 8-го мая 1943 года: „Фюрер напомнил случай с Тухачевским и сказал нам, что мы ошиблись, когда мы верили тому, что Сталин развалил Красную армию. Наоборот. Сталин освободился от всех оппозиционных кругов в Красной армии и достиг того, что в этой армии больше нет пораженческих кругов“. (...)

...Американский дипломат Уильям Аверелл Гарриман отмечал в Сталине „большой ум, невероятную способность проникнуть в детали, прозорливость и удивительную человеческую чувствительность. Он был лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, во многих отношениях он самый результативный руководитель войны“. (...)

⁹ Классический пример – Н. И. Бухарин. Сколько раз его, как нашкодившего кобеля, прорабатывали, выводили из руководящих органов, исключали из партии, затем снова и снова прощали, вводили, восстанавливали... Со счёта сбиться можно! Ленино-сталинская партия, лично генсек целых 20 лет после революции нянчилась с ним, прежде чем в 1937 г. окончательно прогнали предателя-перерожденца из своих рядов. В период патологического антисталинизма и такой же демократии – от Хрущёва до Горбачёва – людей раз и навсегда выгоняли из КПСС за сущие пустяки по сравнению с происками этого, как считал Ленин, марксиста-недоучки. Но Бухарин не унимался и принимался за старое – за фракционную, подпольную, антипартийную и антигосударственную деятельность. Наконец, был арестован, судим, казнён. Ничего, кроме удивления, такое долготерпение сталинского режима не вызывает. Равно не вызывает удивления и то, что Бухарин, как и другие члены банды фашистских наймитов-троцкистов, реабилитирован такими же врагами народа, как те, что окончательно захватили власть в СССР во время перестройки.

Ревизионистская политика Хрущёва... положила начало политическому и идеологическому перерождению советского общества. (...)

При Брежневе социалистическая экономическая система была еще прочной, но... отставала и всё больше начинала управляться капиталистическими экономическими методами. Разрасталась теневая, капиталистическая экономика, шло перерождение руководящих структур партии».

Напоследок стоит сказать о том, что Партия Труда Бельгии тоже не вынесла давления оппортунистических тенденций. Так, если Л. Мартенс высоко ценил достижения северокорейских коммунистов, которые в условиях неправомерных международных санкций, свирепой блокады и провокаций выстояли в одиночку после гибели СССР, то новый лидер ПТБ Петер Мертенс в 2014 году ничтоже сумняшеся изрёк: «Мы окончательно отказались от догматизма и экстремизма. (...) Режим в Северной Корее – это милитаристская династия, это диктаторский режим, который выступает против всех наших принципов».

Так и хочется спросить, не у Троцкого ли нахватался ты своих принципов?

В настоящее время международное комдвижение (свыше 100 партий и организаций) ещё не полностью пришло в себя после мощного и коварного удара, нанесённого ему на рубеже 1980–90-х годов продажным руководством социалистического лагеря, действовавшим заодно с западным империализмом. (Были и остались непроданные руководители, но я сейчас не о них). Идейный раскол, заложенный в недра комдвижения в 1956 году, не только не преодолен, но ширится и углубляется. Отчасти это явление можно приветствовать. Ведь происходит очищение от нестойких, кристаллизуется ядро будущего глобального коммунистического сопротивления мировому капиталу. Но Иудин грех XX съезда сам по себе останется несмываемым до тех пор, пока сталинизм не победит, по крайней мере, на бывшем советском пространстве.

Коммунистические партии ряда стран после уничтожения СССР, а некоторые гораздо раньше, отказались от красного знамени с серпом и молотом как своей эмблемы, от борьбы за диктатуру пролетариата как своей цели. Да ещё имели бесстыдство называть подобный отход от основ и принципов научного коммунизма «обновлением» и «развитием». Зачастую это было также проявлением трусости. Её продемонстрировали, например, псевдокоммунисты Франции и Италии, чьему примеру последовали другие заражённые еврокоммунизмом левые организации.

Кое-кто из их членов мотивировал удаление серпа и молота из партийной символики «отказом от ужасов сталинизма». Наружу прёт не только слабоумие отказников, но и страшно-ватый лик антисталинизма. В последнем имели возможность убедиться все, кто в наше время проходил школу политического концлагеря в фашизированной Прибалтике, бандеризованной Украине, румынизированной Молдавии, в других очагах буржуазного тоталитаризма на некогда вольной, исполненной величия и достоинства, советской, социалистической, ленинско-сталинской земле.

Но в тех же самых странах, где коммунистический истеблишмент поменял спецовку на вечернее платье и корчит из себя молодящуюся светскую даму, сохранились и укрепляются силы – антиподы ревизионизма. Силы, которые самостоятельно пришли к безошибочному выводу:

Неизбежный удручающий финал ждёт всякую организацию, которая начинала с подражательства хрущёвщине, то есть с осуждения сталинизма, затем плавно переходила к постепенному демонтажу ленинизма и, наконец, оставалась с кастрированным, убогим марксизмом, теряя влияние в массах, переходя на содержание буржуазии.

Нечто похожее происходило с традиционной Коммунистической партией Бельгии, созданной ещё в 1920 г. Остались в прошлом 2 000 героев-коммунистов, павших в борьбе с

фашистскими оккупантами, 100-тысячная численность партии после войны, отважные, негибаемые лидеры, подобные Жюльену Ляо. Следовавшая в фарватере антисталинской политики КПСС, эта партия в 1989 году распалась на две самостоятельные организации – фламандскую и валлонскую, которые не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на политическую жизнь.

Когда стратегией становится не свержение капиталистического строя, а его «улучшение», происходит предательство интересов рабочего класса, всех трудящихся, ибо «улучшить» эксплуатацию человека человеком невозможно. Её можно только замаскировать, чем всегда занимались апологеты антисталинизма (читай: антикоммунизма). Они методично и последовательно отклонялись от теории и практики построения и функционирования революционной коммунистической партии, каковые – и это необходимо денно и нощно повторять – есть теория и практика марксизма-ленинизма-сталинизма.

К сожалению, ПТБ после смерти Л. Мартенса скатывается к финалу, обозначенному именно приставкой «анти». Как тут не вспомнить роль личности в истории, как тут не понять в очередной раз, сколь многое зависит не только от коллектива, но и от индивидуального носителя идеологии, особенно если он превращается в руководителя.

«Принятие другого взгляда на Сталина означает рассмотрение истории... глазами подавленных классов, глазами эксплуатируемых и угнетённых». Одна эта фраза из книги Людо Мартенса удостоверяла его соответствие той миссии партийного вожака, которую он выполнял. Сумеют ли бельгийские товарищи сохранить и обогатить сталинское идейное наследство, преодолеть инфильтрацию правооппортунистической заразы, выполнить миссию авангарда трудящихся Бельгии – как валлонов, так и фламандцев? На этот вопрос однажды будет отвечать другая книга.

Лаврентий Гурджиев

Вступительное слово

К семнадцати годам я уже был убежденным антикоммунистом. Идея убить Сталина заполнила мои мысли и чувства... Мы изучили «технические» возможности нападения... Мы даже практиковались.

Если бы они приговорили меня к смерти в 1939 году, они были бы правы. Я составил план убить Сталина – разве это не преступление?

Когда Сталин был жив, я смотрел на вещи по-другому, но, когда я оглядываюсь назад на этот век, я могу заявить, что Сталин был величайшей личностью нынешнего столетия, величайшим политическим гением. Принятие научной оценки чего-либо есть нечто другое по сравнению с личной точкой зрения.

Александр Зиновьев, 1993 г.^[1]

Я думаю, что есть два меча: меч Ленина и меч Сталина. Сейчас меч Сталина отброшен русскими. Гомулка и некоторые люди в Венгрии подобрали его, чтобы ударить по Советскому Союзу и противостоять так называемому сталинизму.

Империалисты также используют этот меч, чтобы убивать людей. Даллес, например, размахивает им уже сколько времени. Этот меч не был одолжен, он был выброшен. Мы, китайцы, не выбросили его.

Что же до меча Ленина, то не отброшен ли и он в некоторой степени некоторыми советскими лидерами? На мой взгляд, он отброшен в значительной степени. Жива ли еще Октябрьская революция? Может ли она служить примером для всех стран? В докладе Хрущева XX Съезду Коммунистической партии Советского Союза говорится о возможности взятия власти парламентским путем, то есть нет необходимости другим странам изучать Октябрьскую революцию.

Однажды приоткрыв эти ворота, в общем и в целом отбрасываешь ленинизм.

Мао Цзэдун, 15 ноября 1956 г.^[2]

То, что известный, живущий в «единой» Германии диссидент, который с юности был ярким антисталинистом настолько, что планировал проведение террористической операции против Сталина, который написал много книг, неистово разоблачая сталинскую политику всеми возможными способами, – так вот, то, что такой человек захотел отдать дань уважения Сталину, – замечательное явление.

Многие из тех, кто считает себя коммунистами, не выказывают подобной отваги. Очень трудно возвысить свой слабый голос против потоков антисталинской пропаганды.

Очень много коммунистов, к сожалению, неуверенно чувствуют себя на этом поприще.

Все, о чем заклятые враги коммунизма трубили в свое время в течение 35 лет, было, по общему мнению, подтверждено Хрущевым в 1956 году. С тех пор яростные единодушные обвинения Сталина, пришедшие еще от нацистов и троцкистов, от Киссинджера и Бжезинского, от Хрущева и Горбачева и иже с ними, прибавили в своей «достоверности».

Защита исторической роли Сталина и партии большевиков становится делом немислимым, даже ужасным. И большинство тех, кто твердо противостоит убийственной анархии мирового капитализма, боятся этого. Сегодня люди, подобные Зиновьеву, видящие разрушительную недалновидность того, что случилось в бывшем Советском Союзе, с чередой голода,

безработицы, нищеты, коррупции, межэтнических войн, пришли к переоценке предубеждений, крепко сидевших в них с юных лет.

Очевидно, что и во всем мире тот, кто хочет защитить идеалы социализма и коммунизма, должен сделать хотя бы то же самое. Все коммунистические и революционные организации мира должны переосмыслить мнения и суждения о деятельности товарища Сталина, которые формировались у них начиная с 1956 года. Никто не сможет отрицать очевидное: с тех пор как Горбачев преуспел в разрушении всех достижений Сталина, венчая таким образом тридцатипятилетний период злобных разоблачений «сталинизма», и Ленин сам по себе стал в Советском Союзе *persona non grata*. С похоронами сталинизма исчез и ленинизм. Повторное открытие революционной правды о том периоде начала нового строя должны взять на себя коммунисты всего мира. Эта революционная правда восстанет после изучения источников, свидетельств и анализов. Очевидно, что жизненно необходимой будет помощь, которую могли бы предложить советские марксисты-ленинцы, зачастую единственные, кто имеет прямой доступ к источникам и свидетельствам. Но сегодня они работают в весьма сложных условиях.

Наши анализы и размышления на этот счет представлены в данной работе: «Другой взгляд на Сталина». Взгляд на Сталина, который воздействует на нас ежедневно, есть взгляд того класса, который хочет сохранить существующую систему эксплуатации и угнетения.

Принятие другого взгляда на Сталина означает рассмотрение истории Сталина глазами подавленных классов, глазами эксплуатируемых и угнетенных.

Эта книга не была задумана как биография Сталина. Она предназначена для прямого противостояния стандартным антисталинским атакам: «Завещание Ленина», насильственная коллективизация, засилье бюрократии, уничтожение гвардии старых большевиков, насильственная индустриализация, сговор Сталина с Гитлером, его некомпетентность во время Второй мировой войны и т. д. Мы постарались вскрыть противоречия многих «хорошо известных истин» о Сталине, тех, что раз за разом выдавались в газетных строках, исторических книгах и интервью и стали более или менее частью нашего подсознания.

«Но как это можно, – спросил друг, – защищать такого человека, как Сталин?»

В этом вопросе было такое удивление и возмущение, которое напомнило мне о том, что рассказал мне старый коммунист. Он вспоминал о 1956 годе, когда Хрущев прочел знаменитый «секретный доклад». Среди коммунистов прошли мощные дебаты. Во время такого столкновения пожилая коммунистка из семьи евреев-коммунистов, которая потеряла в войну двух детей и чья семья в Польше была уничтожена, вскричала: «Как можем мы не поддержать Сталина, который построил социализм, победил фашизм и воплотил все наши надежды?». В жарком идеологическом шторме, прокатившемся по Земле, когда другие сдались, эта женщина осталась верной Революции. И в этом смысле у нее был другой взгляд на Сталина. Новое поколение коммунистов разделит ее взгляды.

Введение

Сталин – величайший политический гений, величайшая личность XX века

В 1994 году автору этих строк довелось выступать с докладом о Сталине в Париже. После доклада выступил один алжирский коммунист, который вспомнил, как восприняли смерть Сталина у него на родине. «Все алжирцы были подавлены, а французы были в восторге. Я спросил своего отца: в чем дело? Папа серьезным голосом сказал: „Умер Сталин“. Я спросил: „Кто такой Сталин?“. Мой отец ответил: „Это самый великий человек нашего времени. Он руководил Советским Союзом, самой великой революционной страной. Сталин был сыном сапожника“. И я думал: сын сапожника, как и я...»

Для алжирских патриотов, из которых около 1 миллиона человек погибло в ходе освободительской войны, Сталин олицетворял борьбу с колониализмом и с империализмом. При Сталине Советский Союз совершил невиданный исторический рывок, знаменующий великий переломный пункт в истории человечества. Сталин руководил самой великой революционной войной в истории, антифашистской Великой Отечественной войной. Сталин поощрял освободительские войны во всем колонизированном мире, особенно в Азии, в первую очередь в Китае и в Индии.

Сегодня мы вспоминаем Сталина потому, что его творчество остается крайне важным для будущего человечества. Имя Сталина олицетворяет четыре больших революционных сражения, которые решат судьбу человечества в XXI веке: борьба за экономическое развитие, борьба за независимость, борьба за мир и борьба за социализм.

Сталин и борьба за независимость против империализма

Опыт Ленина и Сталина убеждает, что борьба за национальную независимость и борьба за социализм неразделимы. Он показывают, что оппортунизм – союзник империализма и капитализма.

Великая социалистическая революция победила 25 октября 1917 г. И уже на следующий день меньшевистская партия заявила о своей решимости свергнуть большевиков, которых обвинили в установлении «рабства». Социал-демократия решила «освободить Россию от тирании» с помощью империалистических войск! Черчилль играл ключевую роль в интервенции английских, французских, японских, итальянских и американских войск против Советской России.

Сталин был одним из главных большевистских руководителей. Ленин посылал его на решающие участки борьбы. Империалистические державы считали, что Советский Союз не сможет выдержать натиска внутренней и внешней контрреволюции. Однако Ленин и Сталин организовали настоящую войну народных масс, которые сумели сломить сопротивление свергнутых эксплуататоров и отразить интервенцию.

Опыт политической борьбы под руководством Ленина и Сталина за независимость Советской России имеет особенное значение в нынешних условиях империалистической мондиализации. Ведь достижение настоящей политической и экономической независимости является одной из главных проблем для большинства людей в мире. Сегодня для многих наций во весь рост встала проблема борьбы за национальное освобождение, против новой политической, экономической, военной и культурной колонизации, более кровавой и более дикой, чем колонизации XIX века.

Лично я пережил эти реалии в Конго, в стране, которая могла бы быть самой богатой в мире, но которая лишилась независимости за 37 лет неоколониальной диктатуры и теперь страдает от захватнической войны, инспирированной США, и живет в ужасной беде.

Англо-американский империализм развязывает «новое сражение за Африку из-за истощения ресурсов индустриализированного мира». США заявили, что «Конго жизненно важно для интересов США в Африке... потому что на его территории сосредоточено 13 % гидроэнергоресурсов мира, 28 % запасов кобальта, 18 % запасов промышленного алмаза». Почти открыто англо-американский империализм требует для себя права на «вторую колонизацию» Конго и Африки, отказывает этой стране в праве на настоящую независимость. Богатства Конго настолько мозолят глаза империалистам США, что они решили захватить Конго любой ценой. Захватническая война, которую развязали США руками Руанды и Уганды, принесла смерть 4 миллионам человек в Конго. Кто об этом сегодня говорит? Однако вся буржуазная пресса дружно подхватывает песню о «Сталине-палаче», которую в свое время пели нацисты.

Сталин и борьба за социалистическое развитие

Независимость стала предпосылкой ускоренного развития Советского Союза.

Независимость позволила сосредоточить крупнейшие средства производства в руках социалистического государства, что дало возможность организовать их планомерное использование с целью в кратчайшие сроки решить неотложные проблемы промышленного, сельскохозяйственного, культурного и военного развития страны. В 1928 году начал осуществляться первый пятилетний план, предусматривавший развитие промышленности невероятными для капиталистического мира темпами. 4 февраля 1931 года Сталин сказал: «Мы отстали на 50–100 лет от передовых стран. Мы должны преодолеть этот разрыв за десять лет. Иначе нас сомнут». Иностранные капиталисты считали эту задачу невыполнимой, но страна под руководством Сталина справилась с ней.

Основную роль при этом сыграли два фактора: во-первых, организация авангарда рабочих, крестьян и трудящихся в большевистской партии, во-вторых, высокий энтузиазм и мобилизация масс в экономическом созидании.

Иностранец, который жил в царской России 37 лет, свидетельствовал: «Большевики мобилизовали более 150 миллионов человек, раньше безразличных, при жизни мертвых, и вдохновили их новым духом. Революционная страсть позволила преодолеть колоссальные помехи. Мир еще не видел такого движения».

Диссидент Александр Зиновьев провел свое детство в деревне. Он стал очевидцем острой борьбы за коллективизацию и модернизацию сельского хозяйства. Зиновьев свидетельствует: «Я неоднократно спрашивал мать и других колхозников во время приездов в деревню и позднее о том, согласились бы они снова стать единоличниками, если бы такая возможность представилась. Все они наотрез отказались. Профессиональные училища, готовившие ветеринаров, агрономов, механиков трактористов, бухгалтеров и прочих специалистов в новом сельском хозяйстве... все эти учебные заведения и профессии возникли после революции как часть беспрецедентной культурной революции... Коллективизация способствовала этому процессу... Социальная структура деревенского населения стала приближаться к городской... Именно стремительное изменение социальной структуры деревни обеспечило новому строю колоссальную поддержку в широких массах населения».

С 1928-го по 1937 год промышленное производство росло с темпом 16,5 % ежегодно. Ленин предложил в 1920 году общий план электрификации Советской России. За 15 лет трудящиеся под руководством Сталина выполнили этот план на 230 %.

Коллективизация сельского хозяйства представляла собой движение масс в никогда раньше не виданном масштабе. Она обеспечила бедным и средним крестьянам благополучие коллективным трудом с современным оборудованием, устранив эксплуатацию бывшими кулаками. В начале 1929 года в Советском Союзе было 19 000 тракторов. Спустя двенадцать лет, в 1941 году, у колхозов и совхозов было 684 000 тракторов.

Невиданная в истории мобилизация масс позволила отсталой и разоренной стране догнать самую грозную империалистическую державу в Европе – нацистскую Германию. В сегодняшнем третьем мире, разоренном приватизацией, внешним диктатом, любая страна может только мечтать о таких достижениях, которые были при Сталине.

Сталин и революционная большевистская партия

Большевистская партия была творцом всех побед. В конце подпольного этапа, к началу революции 1917 года, в партии были 24 000 закаленных членов. В 1921 году, после войны против государств-интервентов, партия насчитывала 600 000 членов. Сталин руководил напряженной работой по организации и воспитанию партийных кадров. В результате в 1932 году – решающем году индустриализации и коллективизации – партия насчитывала 2 500 000 членов. Дух самопожертвования, преданности народу, самоотречения в работе, который был присущ этой крупномасштабной политической армии, вдохновлял трудящихся на борьбу с отсталостью.

Ленин сформулировал современные принципы революционной партии и сформировал стальное ядро этой партии, а Сталин трансформировал эту партию в великую политическую армию, которая организовала и увлекала народные массы.

Без руководящей роли большевистской партии ни одна из исторических побед советского народа не состоялась бы: ни в борьбе за независимость, ни в борьбе за хозяйственное развитие, ни в Великой Отечественной войне.

Сталин и смертельная опасность оппортунизма и инфильтрации

Внутренние и внешние враги советского социализма с самого начала поняли решающую роль партии и всеми силами старались проникнуть в партию и уничтожить ее изнутри.

Молодому контрреволюционеру Борису Бажанову было 19 лет, когда в 1919 году он решил внедриться в большевистскую партию. В 1923 году он стал секретарем Сталина. В своей автобиографии он пишет: «Солдат антибольшевистской армии, я перед собой поставил задачу, трудную и опасную: инфильтрироваться в штаб-квартиру врага. Это мне удалось».

Наряду с этим привычки старого эксплуататорского общества были очень стойкими и постоянно влияли на представителей нового социалистического общества.

Таким образом, борьба между различными политическими течениями внутри партии всегда отражала борьбу между разными классовыми интересами в Советском Союзе. С первых же дней после победы в 1917 году оппортунистические течения в лоне большевистской партии противостояли политике Ленина и Сталина.

В 1927 году за враждебные деяния из партии были исключены Троцкий, Зиновьев и Каменев. Однако вскоре Зиновьева и Каменева в партии восстановили. Но с 1928-го по 1930 годы Зиновьев, Каменев и Бухарин противостояли ускоренной индустриализации и коллективизации. В 1931 году Зиновьева и Каменева во второй раз исключили из партии из-за их антипартийной позиции.

В 1934 году состоялся XVII съезд ВКП(б), съезд победы и единения. Гигантские достижения, плоды героического труда десятков миллионов трудящихся нельзя было отрицать.

Сталин исходил из того, что очевидный прогресс, достигнутый партией и массами, убедит оппозиционеров отказаться от своих ошибочных взглядов. Многих исключенных восстановили в партии, в том числе Пятакова, Радека, Смирнова, Преображенского, а также Зиновьева и Каменева. Они принимали участие в XVII съезде и выступали на нем.

Сталин не был мстительным, он мог прощать прежние ошибки товарищей и дать им второй и даже третий шанс.

Троцкий – пример превращения коммуниста в бешеного антикоммуниста. В 1934 г. он писал: «Победа Гитлера провоцировалась преступной политикой Сталина». «Чтобы свергнуть Гитлера, надо сначала покончить с Коммунистическим Интернационалом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Alexander Zinoviev. *Les confessions d'un homme en trop* (Paris: Olivier Orban, 1990), pp. 104, 188, 120. Humo interview, 25 February 1993, pp. 48–49.

2.

Mao Tsetung. Speech at the Second Plenary Session of the Eighth Central Committee of the Communist Party of China. *Selected Works of Mao Tsetung* (Peking: Foreign Languages Press, 1977), vol. 5, p. 341.